



www.eot.su

# Суть времени

Враг будет разбит,  
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета  
издается с 25 сентября 2012 г.

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»  
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно  
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), [podpiska@eot.su](mailto:podpiska@eot.su)

30 апреля 2014 г.

№ 75

## 2 ЗЛОВЕЩАЯ НОВИЗНА

## 4 ИСТОРИЯ ПЕРВОМАЯ В СССР — ОСТЫВАНИЕ КРАСНОГО ОГНЯ. ЧАСТЬ I

Разве не упоительна самая идея, что государство, досель бывшее нашим злейшим врагом, теперь — наше и празднует Первое мая, как свой величайший праздник?

## 7 ИСТОРИЯ ПЕРВОМАЯ В СССР — ОСТЫВАНИЕ КРАСНОГО ОГНЯ. ЧАСТЬ II

Остывание было настолько явным, что проявилось даже в первомайских лозунгах, в которых, казалось бы, должно было скрываться

## 9 РЕКУПЕРАЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ

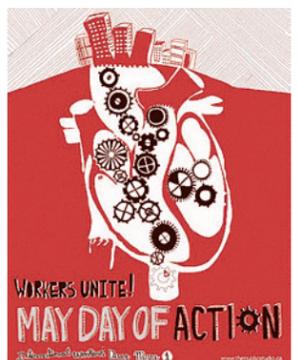
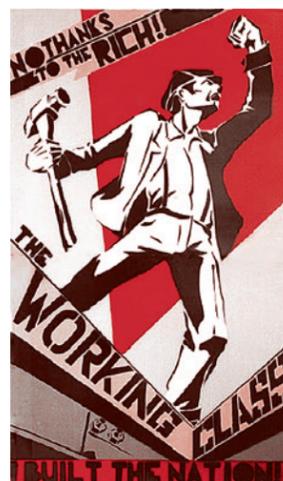
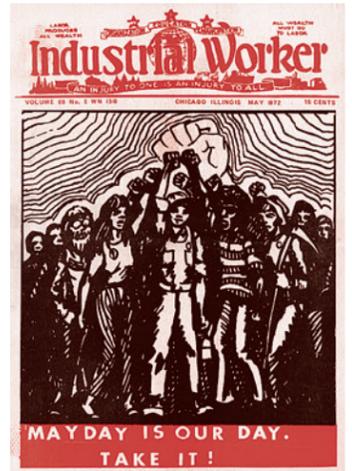
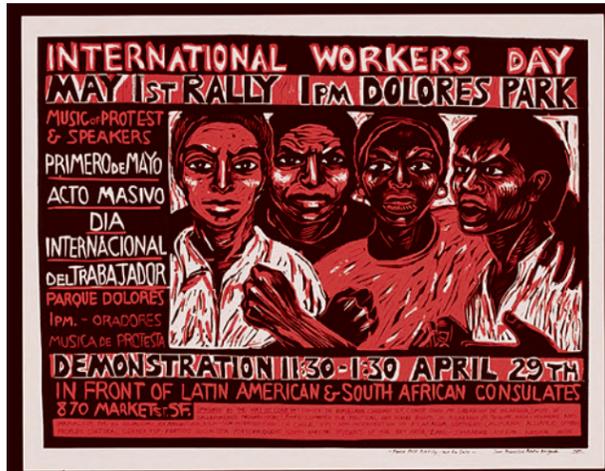
## 11 О РОЛИ НОМЕНКЛАТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ И КРУШЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

## 13 ПОЛЕ БИТВЫ — РОДИНА ДЕМОКРАТИИ

Всё больше набирают обороты протестные движения. И становится заметным всё то же противостояние красных и коричневых, пусть и отлитое в немного иную форму, нежели во времена хунты

## 14 ВЕЧНЫЙ БОЙ

Конечно, на каждой киностудии не сидит специально натренированный человек — представитель правящего класса — и не вымарывает из картин всё хорошее про рабочих, встраивая подлые скрытые послания. Всё куда хуже!



## МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Во имя чего всё? Во имя обнаружения зловещей новизны, во имя предуготовления к этой новизне. И во имя победы над ней. Той победы, о которой мечтали на первых маевках. Победы настоящей, предполагающей переход человечества в новый этап, именуемый сверхисторией

# Зловещая новизна

**Д**вижение «Суть времени» существует уже более трех лет. И более трех лет существует сообщество X, заявившее о том, что «Суть времени» — это краткосрочный проект. Что этот проект создан мною под выборы 2011–2012 годов. И что после выборов «Суть времени» исчезнет.

При этом сообщество, пообещавшее своим сторонникам скорое исчезновение «Сути времени», вообще ничего не сказало этим сторонникам после того, как «Суть времени» не исчезла. Оно не сказало: «Извините, мы ошиблись». Оно не сказало: «В наши руки попали тайные документы, объясняющие, почему злодей Кургинян не распустил «Суть времени» после выборов, хотя перед этим собирался это сделать». Данное сообщество вообще ничего не сказало. И расписалось тем самым в том, что реальность для него просто не существует.

В данном случае реальность — это организация «Суть времени» как некая структура, проходящая в своем развитии определенные этапы. Этой структуры для сообщества X не существует вообще. А существует для этого сообщества только своя собственная интерпретация «Сути времени» как краткосрочного проекта. Что делает сообщество X, когда реальность полностью разрушает эту интерпретацию? Оно заявляет: «А нам наплевать на реальность! Есть люди, которые, как и мы, на эту реальность плюют. Которым нравится то, что мы говорим. А значит, наша интерпретация обладает правом на существование, не зависящее от того, как именно интерпретация соотносится с реальностью. Мы даже не будем приводить интерпретацию в новое соотношение с реальностью. Мы просто проигнорируем реальность и всё. И этого никто в рамках нашего сообщества не заметит».

Еще совсем недавно — лет этак 25 назад — подобное было невозможно. А сообщество, которое решило бы в такой степени игнорировать реальность, заслуженно приобрело бы статус сообщества людей психически нездоровых.

То-то и оно, что теперича не то, что давеча. Относительно здоровый мир может опознать психическое нездоровье и отстранить его от себя. Безумный мир опознает психически нездоровое как свое, а психически здоровое — как чужое. Мир же переходный, то есть уже отказавшийся от психического здоровья как безусловной нормы, но еще не возведший в безусловную норму откровенный дурдом, просто не заинтересован тем, как соотносятся интерпретации и то, что интерпретируется.

Можно ли утверждать подобное на основе неадекватности ничтожного сообщества X? Конечно, нельзя. Но ведь есть и сообщество Y. Члены этого сообщества могут, например, сказать, что на Юго-Востоке Украины протестуют несколько сотен пенсионеров, примерно столько же, сколько выходит на митинги «Сути времени». Представители этого

сообщества, во-первых, видят воочию, сколько людей протестует на Юго-Востоке. Этим людям как минимум достаточно для того, чтобы вокруг Славянска беспомощно топталась огромная бандеровская военная сила.

Представители этого сообщества, во-вторых, только что вопили по поводу того, что «Суть времени» вывела слишком много молодых людей в красных куртках. И сообщали своим сторонникам, что эти люди — о ужас! — отнюдь не пенсионеры и их отнюдь не несколько сот. И что с того? Они видят бурлящие массы на Юго-Востоке и говорят, что нет ни масс, ни бурления, а есть несколько сот пенсионеров. Кто-нибудь возмущается по этому поводу? Говорит им «окстись»? Ничуть не было.

Для этого сообщества Y нет никакой проблемы в том, чтобы оторвать интерпретацию от реальности. Причем оторвать полностью. И наслаждаться такой оторванной от реальности интерпретацией.

А есть сообщество Z. Оно видит портреты преступника, садиста Бандеры на стенах государственных зданий в Киеве. И говорит, что бандеровцы в Киеве — это выдумка Москвы.

Оно видит толпы осатанелых бандеровцев, пляшущих и вопящих: «Кто не скачет, тот москаль». И опять же говорит, что бандеровцы выдуманы кремлевскими пропагандистами.

Оно лицезрит видеозаписи, сделанные самими бандеровцами, на которых отрубает руку и выкалывают глаз молодому парню из «Беркута». И говорит о том, что киевские митингующие — это воплощение миролюбия и гуманизма.

И возникает вопрос: а интересует ли кого-то вообще связь между интерпретацией и реальностью? Или мы уже находимся в мире, в котором интерпретация

сама по себе, а реальность — сама по себе? И что же это в таком случае за мир?

В 1992 году одна патриотическая газета начала печатать из номера в номер статьи, в которых любой крупный политический конфликт интерпретировался как борьба «атлантистов» и «евразийцев». Ну что ж, известная интерпретационная схема из ряда конспирологических. Беда была в другом — в том, что эта схема накладывалась на нашу политическую реальность. В том числе и на реальность ГКЧП. И оказывалось, что председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов — это «евразиец» и «менестрель Мурсии»... А председатель КГБ СССР Владимир Крючков — это «атлантист» и «менестрель Морвана».

А главное, говорилось, что всё КГБ — это атлантисты, а всё ГРУ — это их непримиримые враги, евразийцы.

С Лукьяновым мне эту схему обсудить не удалось. А Крючкова я спросил однажды: «А Вы знаете, что такие-то именуют Вас менестрелем Морвана?» «Менестрелем кого?» — переспросил Крючков с неподражаемой вежливостью. Если бы в обществе была к тому моменту воля к соединению реальности и интерпретации... Если бы была в нем хотя бы капля иронии, то есть способность уловить вопиющее несоответствие реальности и интерпретации (то бишь реального Крючкова и менестреля вообще, и тем более менестреля какого-то Морвана) ... Может быть, при наличии всего этого не погибли бы в октябре 1993 года сотни мальчишек и девочек, расстрелянных почти в упор танками подонков, которым оплатили «налом» их кровавое преступление наши «прогрессивные реформаторы»...

Если бы да кабы... Да, кстати, автор интерпретационной схемы, предполагавшей, что весь КГБ — это атлантисты, а всё ГРУ — это евразийцы, в 2000 году

обнаружил наличие «евразийского КГБ». Из чего однозначно вытекало наличие «атлантического ГРУ». То есть крушение всей его схемы. Автор даже не извинился. И никто не стал приставать к нему с вопросами: «Как же это так?» Те, кому его интерпретационная схема нравилась, продолжали ею восхищаться. Те, кому схема не нравилась, негодовали.

Что на сегодняшний день происходит с данной схемой, я, право, затрудняюсь сказать. Но одно я знаю наверняка: интерпретация, оторванная от реальности и противостоящая ей, — это безумие. И даже если такое безумие окажется востребовано и поддержано большей частью человечества, что с того? Оно останется безумием. А мир, который подчинится безумию, погибнет чуть раньше или чуть позже. Потому что он сначала разорвет связь между интерпретацией и реальностью в малой степени, потом в большей степени. И, наконец, этот разрыв станет абсолютным. А став абсолютным, он воспрепятствует адекватному осуществлению любой человеческой деятельности. И это при том, что количество видов человеческой деятельности, в рамках которых потеря адекватности чревата смертью человечества, нарастает.

Но может быть, спасение следует искать в обнулении интерпретаций?

Ведь любая интерпретация взыскует смысла или сути. А что, если нет ни смысла, ни сути? А есть только то, что есть? КГБ — это КГБ. ГРУ — это ГРУ. Крючков — это Крючков. Лукьянов — это Лукьянов... Может ли так быть? И означает ли такой подход, что мы, отбросив интерпретацию, сохраняем верность реальности?

Конечно же, такое шарханье из крайности в крайность порождает не освобождение мира от безумия, а его впадение в иное безумие, почему-то именуемое прагматизмом.



## МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Этот номер газеты «Суть времени» издает кафедра исследований социальных структур. А кто сказал, что социальные структуры вообще существуют? Это первое. И второе. Если они все-таки существуют, то и Крючков, и Лукьянов должны входить в какие-то социальные структуры. Конечно, не в орден атлантисов (он же «морванцы») и не в орден евразийцев (он же «мурсианцы»), но в какие-то структуры Крючков и Лукьянов просто не могут не входить. И что значит прагматическое высказывание, согласно которому «КГБ — это только КГБ», а «ГРУ — это только ГРУ»? Ведь и КГБ, и ГРУ — это профессионально-корпоративные структуры, состоящие из определенных элементов, связанных определенными связями.

Познавая реальность, мы ее интерпретируем. Но ведь сама реальность содержит в себе нечто, выявляемое нами в ходе наших интерпретаций, не правда ли? И держа в себе нечто, реальность ведет себя определенным образом. Выявляя это нечто, мы можем представить себе, как именно будет вести себя реальность. Встраивая в реальность то, чего в ней не было (а именно этим и занимается технический прогресс, да и не только он), мы управляем поведением реальности. Что значит отказать от таких возможностей? А ведь заявив, что реальность — это реальность и точка, мы от них на сто процентов отказываемся...

Это значит отказаться не только от управления реальностью, но и от способности к тем фортелям, которые она готовится выкинуть. А это тоже смерть человечества.

Но дело даже не только в этом. Дело еще и в том, что человек — это существо, которое с огромным трудом выдерживает боль своего земного существования. Человек — это единственное существо на планете, которое живет, зная о том, что оно смертно. Которое что-то обретает, зная, что обретенное будет отнято, и так далее. Ни алкоголь, ни наркотики, ни физиологические наслаждения разного рода не могут надежно заглушить боль земного существования у большинства человеческих особей. Меньшинство же, способное окончательно спиться и исколоться, жизнь человечества длить не может. Что же касается гедонистических болеутолятелей в их квазживотном психофизиологическом варианте, то даже те, на кого они действуют по-настоящему, раньше или позже теряют способность к их потреблению. Они стареют... и уже не жаждут любовных утех с прежней страстностью... Они начинают болеть и уже не могут так обжираться... И так далее.

Человек — это существо, которое может сносить жизнь только за счет потребления в больших количествах одного-единственного спасительного болеутоляющего средства. Средство это — смысл. Или — суть.

Такое средство может быть добыто только из руды под названием реальность на фабрике под названием интерпретация.

Оставить фабрику без руды или руду без фабрики — это значит уничтожить человечество. Потому что оно в этом случае не только перестанет управлять реальностью, менять реальность, приспосабливаясь к ней, наконец. Нет, оно еще и не захочет жить, то есть терпеть муку этой самой жизни, не имея смысла и сути в качестве основного и незаменимого болеутолятеля, единственно совместимого с воспроизводством и развитием реальности.

Когда мы боремся за связь между реальностью и интерпретацией, мы боремся за сохранение человечества. Это первое.

И второе. Те, кто разрывает связь между реальностью и интерпретацией, борются за уничтожение человечества. И кое-кто из них это даже понимает.

Метафизическая война... Концептуальная война... Экономическая война и так далее... Что это такое?

Это наши интерпретации. Есть ли связь между этими интерпретациями и реальностью? Нам-то кажется, что только эти интерпретации и раскрывают перед читателем смысл и суть того, что вываривается в котле под названием реальность. Но убеждаться в этом — или это оспаривать — следует, сообразуясь с реальностью.

Это значит, что реальность следует поставить во главу угла. Что вся наблюдаемая нами событийность — а она-то и есть реальность как таковая — должна быть упакована в предлагаемую нами интерпретационную матрицу. И если эта событийность начнет вываливаться из матрицы или же взрывать матрицу, то надо не событийность препарировать, а матрицу изменить.

Будучи справедливым по отношению ко всему на свете, этот подход вдвойне справедлив, коль скоро речь идет о выпуске любой газеты — хоть желтой, хоть высколобой. Конечно, желтая газета отдаст предпочтение так называемому «живью», то есть репортажам о неких жгучих, сенсационных фактах. Репортер справедливо скажет: «Я для вас факты добываю — и точка. А о смысле этих фактов пусть талдычат интерпретаторы». И он будет абсолютно прав. Но почему-то даже самые желтые газеты в последние годы не рвутся сохранять стопроцентную верность такому репортерскому кредо. И ясно, почему. Потому что в котле реальности вываривается что-то зловещее. И все, даже самые элементарные потребители фактов («глотатели пустот, читатели газет», как говорила Марина Цветаева), взывают интерпретаций. Потому, наверное, все желтые газеты представляют собой адскую смесь репортажей — и сообщений об НЛО и очередных прогнозах величайших гадателей о реальности.

Что же касается возможности обсуждения сути чего угодно — и времени в первую очередь — при полном отказе от злости дня, то этак можно и впрямь дообсуждаться до атлантизма и евразийства, мурсианства и морванизма, а также чего угодно еще. Я, кстати, довольно часто сталкиваюсь в последнее время с теми, кому претит любая событийность, фактологичность. С теми, кто говорят: «Подумаешь, Украина или какой-нибудь Крым... Идет такой-то и такой-то глобальный процесс. А крымские и украинские события — это лишь треть производные от этого процесса! Зачем вы так подробно обсуждаете симптоматику? Надо сосредоточиться на том, что эту симптоматику порождает, и на лечении болезни».

Любителям таких медицинских метафор я отвечаю на медицинском же языке: «А если болезнь новая? Если отрыв изучения симптоматики от лечения может привести только к усугублению болезни? Да и вообще — как вы хотите развивать интерпретацию, не погружаясь в событийность, пренебрегая фактологичностью? Между тем, отсутствие развития интерпретации превращает любую интерпретацию в мертвую, опасную схему. Кстати, в основе подобного пренебрежения фактами и событиями лежит презрение к истории, убежденность в том, что ничто не ново под луной. А ведь мы знаем, до чего доводит такое пренебрежение».

Спору нет — и киевский майдан, и наши ответные действия в Крыму, и события на Юго-Востоке Украины порождены глобальным процессом. Но, являясь порождением этого процесса, они одновременно существенным образом влияют на характер процесса, не правда ли? И вряд ли целесообразно противопоставлять общее частному, а суть нашего времени — его реальному и неумолимому движению. То бишь всей этой сумме частных

наиважнейших событийностей. Слишком сложны и нелинейны, как сказали бы математики, связи между духом и плотью, смыслом и существованием, трансцендентным и имманентным, общим и частным.

Что если на Украине обнаруживает себя нечто, являющееся и принципиально новым, и предельно зловещим одновременно? Что если, пренебрегая фактурой, запикивая фактуру в известные расхожие схемы, мы не обеспечим своевременной встречи общества — или, по крайней мере, его наиболее активной — с этой самой зловещей новизной? Что если общество, не поняв, что оно имеет дело именно со зловещей новизной, а не с буквальным воспроизводством прежнего зла, не вырабатывает в себе иммунитета к этой новизне, не ответит должным образом на вызов этой новизны?

В народе говорят: «Назвался груздем, полезай в кузов». Назвался газетой — служи сиюминутному как таковому. Потому что в нем и только в нем сердцевина подлинного газетного дела. Но если ты вдобавок хочешь не просто отражать реальность, что невероятно трудно, но еще и менять ее, то твоё служение сиюминутному должно осуществляться иначе, чем в обычной газете. И для тебя оно должно быть наполнено особым, нетривиальным, смыслом.

Ты должен напряженно вглядываться в сиюминутное и спрашивать себя: «А вдруг оно несет в себе эту самую зловещую новизну?» Смысл и факт, суть и содержание, интерпретация и реальность должны в этом случае не противопоставляться друг другу, а рассматриваться по принципу дополтельности. То есть как одинаково важные слагаемые процесса познания и воздействия на познанное.

Разве не этим занимался Маркс по отношению к зловещей новизне, названной капитализмом? Яростный анализ фактов, порой простейших, и цифр — порою самых элементарных. И взращивание сложнейших интерпретаций, уходящих своими корнями в элементарность, возделанную умом и превращенную тем самым в почву для произрастания причудливых диалектических всходов.

И что же теперь? Мы должны укладывать новую, сложнейшую социальную реальность в интерпретационные матрицы, предлагаемые классическим марксизмом? А как же тогда зловещая новизна? И наша роль стражей, стоящих у той двери, через которую она хочет вторгнуться в мир?

Что же делать? Отбрасывать блестящие интерпретационные матрицы, созданные Марксом, было бы столь же нелепо, как и заикливаться на этих матрицах, сочетая такое заикливание с проклятиями в адрес любого, кто улавливает зловещую новизну: «Ах, вы не хотите тупо упаковывать новую реальность в прежние матрицы? Это значит, что вы ревизионист! Нет, не только ревизионист! Буржуазный оппортунист! Нет, не только оппортунист! Идеалист! Мракобес!»

Что стоит за всеми этими воплями? В том числе и теми, которые адресованы «Сути времени»? Просто тупость? Безграмотность? Полуграмотность плюс начетничность? Страх перед зловещей новизной?

Или нечто большее? А именно — нежелание допустить предуготовление человечества к этой зловещей новизне. Нежелание допустить вооруженность человечества необходимыми интерпретационными схемами.

А как бы на нашем месте поступил сам Маркс, этот гениальный первооткрыватель, говоривший про себя, что он не марксист? Как поступил бы он, столкнувшись со зловещей новизной, требующей коррекции интерпретационных моделей? Как поступил бы он в случае, если бы коррекции должны были подвергаться его модели? Уверен, Маркс, как и любой гений, с наслаждением сам бы стал осуществлять такую коррекцию. И осуществил бы ее быстро,

тонко и деликатно — то есть, не повредив интерпретационного ядра и придав модели совершенно новое качество.

Весь этот номер газеты «Суть времени» посвящен празднику 1 Мая. Дню международной солидарности трудящихся. Как страстно и истово праздновали этот праздник трудящиеся в конце XIX — начале XX века! Какой религиозной мощью наполнены прокламации с призывами: «Братья-рабочие, празднуйте 1 мая! Грядет час великой борьбы за светлое будущее человечества! Мы погибнем в этой борьбе, но для человечества откроются совершенно новые перспективы».

Если праздник размыкает сиюминутность и восстанавливает связь между нами и теми, кто сложил голову за великое дело, то наша святая обязанность — уважительно обновлять интерпретацию во имя своевременного осознания вызова зловещей новизны. И, конечно же, во имя нахождения адекватного ответа на этот вызов.

Весь этот номер газеты «Суть времени», будучи посвященным празднику 1 Мая, является еще и очередным нашим кафедральным номером. То есть номером, который полностью создает одна из кафедр Школы Высших Смыслов. Той школы, которая оказалась создана на основе нашей газеты.

Уже был номер, выпущенный кафедрой Классической войны и посвященный празднику 23 февраля, Дню рождения Красной Армии. Этот номер — тоже кафедральный и тоже посвящен празднику. Дню международной солидарности трудящихся 1 Мая.

Кафедра исследования социальных структур обсуждает в этом номере, что такое солидарность вообще, что такое солидарность трудящихся, что такое труд и так далее.

Впоследствии будут выходить номера, выпускаемые разными кафедрами. Сначала они будут выходить редко, потом чаще... А еще — в случаях, когда событийность этого требует, все кафедры будут обсуждать одно и то же событие под разными углами зрения. И это тоже уже милое место, когда началась украинская майданная мерзость, и мы ее обсуждали именно под выбранными важными для нас углами зрения. Причем с предельно допустимой для газеты детальностью.

А еще — на протяжении четырех номеров — мы обсуждали наши собственные исследования, имеющие важнейшее общенаучное значение. К числу таких исследований, безусловно, относятся исследования АКЦИО по вопросу о традиционных ценностях.

Во имя чего всё это? Во имя обнаружения зловещей новизны, во имя предуготовления к этой новизне. И во имя победы над ней. Той победы, о которой мечтали на первых маевках. Победы настоящей, предполагающей переход человечества в новый этап, именуемый сверхисторией. Победы не только социальной, но и антропологической, аксиологической, метафизической. Ибо именно такая победа маячит за тщательно скрываемой начетчиками от марксизма марксовой теорией отчуждения.

Преодоление отчуждения возможно только на основе раскрепощения и пробуждения высших творческих способностей в каждом человеке. Тех способностей, которые являются сутью и сущностью человека. Тех способностей, которые отчуждал от человека капитализм прошлого и которые полностью хочет поглотить нынешняя зловещая новизна.

Отразив ее натиск и сокрушив ее, мы проложим путь, ведущий к обретению этих возможностей.

**С Праздником, товарищи!  
И до встречи в СССР!**

Сергей Кургинян

## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Идут и идут толпы рабочих, изможденных, голодных, но торжественно и мужественно настроенных. Веют тысячи знамен, плакаты вещают великие слова, горящие в каждом из наших сердец... Разве не упоительна самая идея, что государство, досель бывшее нашим злейшим врагом, теперь — наше и празднует Первое мая, как свой величайший праздник?

# История Первомай в СССР — остывание Красного Огня. Часть I

В Российской империи Первомай как день международной солидарности впервые отметили в 1890 году в Варшаве проведением стачки 10 тыс. рабочих. С 1897 года маевки стали носить политический характер и сопровождались массовыми демонстрациями. На первомайские стачки и демонстрации 1912–1914 годов выходило более 400 тыс. рабочих. В 1917 году, после Февральской революции, Первомай впервые отпраздновали открыто: миллионы рабочих вышли на улицы с лозунгами «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Долой империалистическую войну!» и т.д.

После Октябрьской революции 1917 года праздник перешел в новое качество, став Днем Интернационала. Теперь это был официальный праздник абсолютно нового — социалистического — государства, следовательно, и отмечать его нужно было по-новому. К тому же были остро необходимы праздники и символы взамен церковных, но обладающие столь же накаленным содержанием.

Первый официальный Первомай отметили в 1918 году. Историю Первомай как государственного праздника следует начать за две недели до его первого наступления. В середине апреля 1918 г. стали создаваться специальные комиссии, на которые были возложены задачи по организации празднования 1 Мая. Комиссии разрабатывали общую концепцию торжеств и принимали самое непосредственное участие в воплощении замыслов в жизнь. Например, в Петрограде вся организационная работа возлагалась на Петросовет, при котором была создана Центральная праздничная комиссия с десятью специализированными подкомиссиями. В состав московской первомайской комиссии входили представители ЦИК, Московского Совета, Московского комитета РКП (б), Пролеткульта и др. Впоследствии модель образования специальных комиссий по организации празднований была реализована по всей стране.

Непосредственно перед самим торжеством, 26 апреля, было выпущено «Обращение ВЦИК ко всем губернским, уездным, волостным Советам о принятии мер к организации первомайского празднества и о его лозунгах».

Телеграмма Я. М. Свердлова «Из Москвы Кремля // № 116. Подана 26/IV 22 ч. 40 м. по радио. // Всем Комитетам Российской Коммунистической партии, фракциям большевиков при Совдепах»:

1. Да здравствует Советская власть — диктатура рабочих и крестьян над буржуазией.
2. Против империалистской бойни за мир и братский союз трудящихся всех наций.
3. Против империалистских насильников за вооруженную оборону социализма.
4. Защита Советской Республики с оружием в руках — священный долг каждого рабочего и крестьянина.
5. Кто не трудится — тот не ест.
6. Да здравствует нерушимый союз рабочих, бедняков деревни и трудового казачества.
7. Долой соглашателей — предателей революции. Коммунизм — знамя мирного восстания рабочих.
8. Победив капиталистов, мы должны победить собственную неорганизованность — только в этом спасение от голода и безработицы.
9. Сознательные рабочие железной рукой отстоят трудовой порядок и революционную дисциплину.
10. Да здравствует Российская Коммунистическая партия.

Невооруженным глазом видно, что первомайские лозунги 1918 года были в основном лозунгами борьбы. Дальнейшая

эволюция первомайских лозунгов отражала идеологическую эволюцию, происходившую в руководстве СССР, — об этом см. таблицу на стр. 6.

1 мая 1918 г. страна отмечала пролетарский праздник, который был впервые государственным, что особо подчеркивалось. Государственный статус праздника определялся в официальных документах: «В этот торжественный день 1 мая правительство будет выступать не против народа, как во всех остальных странах, а идти вместе с рабочими и крестьянами»; «Государственная власть — Советская власть — власть трудовых масс в 1 мая видит свой праздник».

Но и наблюдатели не могли его не заметить. Вот, например, очень показательные воспоминания одного из организаторов празднования в Петрограде А. В. Луначарского, хорошо передающие и атмосферу и размах праздника:

«Первое мая 1918 года ...Марсово поле, со своей серой трибуной на заднем плане, с глыбами гранита и купами зелени над могилами жертв революции, с красивыми знаменами на высоких столбах, полное народа, с линиями броневиков и отдельными автомобилями, с которыми пропускают демонстрацию представители коммуны, под ясным весенним небом, в котором кружатся птицы и аэропланы, — представляет зрелище величественное.

Идут и идут толпы рабочих, изможденных, голодных, но торжественно и мужественно настроенных. Веют тысячи знамен, плакаты вещают великие слова, горящие в каждом из наших сердец.

Много войска. Неожиданно много. И какое бодрое! Как изменился самый ритм походки солдата, как выпрямилась вся эта вооруженная масса!.. Тут ведь не слуги чуждых рабочим массам целей: тут рыцари и защитники самых высоких идеалов человечества.

Эту мысль я и высказываю в своей речи к товарищам броневикам. Громадная толпа сбегается слушать и слушает с проникновенным вниманием, явно одобряя мои слова.

Я еду по митингам и концертам. Я делюсь ... впечатлениями от нашего великого праздника. Легко праздновать, говорю я, когда всё спорится и судьба гладит нас по головке. Но то, что мы — голодный Петроград, полуосаженный, с врагами, таящимися внутри него, — мы, несущие на плечах своих такое бремя безработицы и страданий, гордо и торжественно празднуем, — это по чести — настоящая заслуга.

Все слова, какие только нахожу я для характеристики этого праздника во что бы то ни стало, этого горького и величавого торжества великого пролетарского авангарда в тяжелый для него момент, — все они находят самый горячий прием у этой публики, где я вижу бледных исхудалых женщин, прачек, швей и т.д., трудовые лица, обрамленные подчас седыми бородами, много солдатских шинелей...

Я еду на открытие Пролеткульта и говорю там о пролетарской культуре, пользуясь как примером этим нашим праздником и его переживаниями...

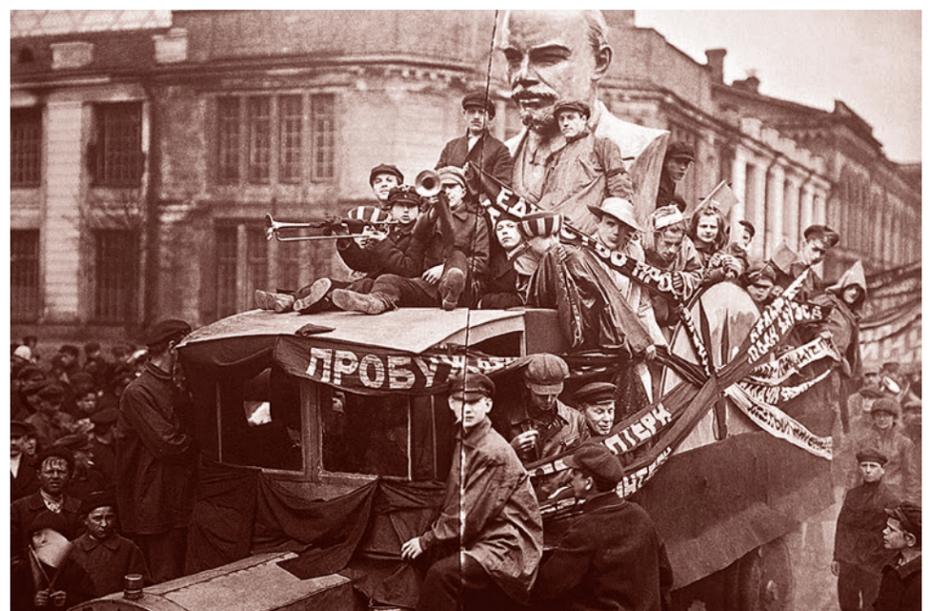
Я еду на Неву, и здесь — настоящая волшебная сказка!..

Уже и днем флот, расцветившись тысячами флагов, придал великолепной Неве такой нарядный вид, что сердце, стесненное всеми невзгодами, не могло не забиться ликующе. Я думаю, всякий, кто видел это зрелище, — а видело его пол-Петрограда — согласится, что оно было незабываемо красиво и волнующе радостно.

Вечером началась изумительная борьба света и тьмы. Десятки прожекторов бросали световые столбцы и белыми мечами скользили в воздухе. Их яркий луч ложился на дворцы, крепости и корабли, мосты и вырывал у ночи то одну, то другую красу нашего пленительного Северного Рима. Взвивались ракеты, падали разноцветные звезды. Фонтаны и клубы



1 мая 1917 г., Петроград



Первомай в 20-е годы

## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР



Плакат-объявление о лекции Луначарского «В царстве социализма» 11 ноября 1917 г.

дыма в странной и бледной игре лучей создавали целую поэму, целую симфонию огня и мрака во всех переливах светотени и доводили впечатление до какой-то жуткой величавости.

Гремели салюты с Петропавловской крепости.

Да, празднование Первого мая было официальным. Его праздновало государство. Мощь государства сказывалась во многом. Но разве не упоительна самая идея, что государство, досель бывшее нашим злейшим врагом, теперь — наше и празднует Первое мая, как свой величайший праздник?..

Но, поверьте, если бы это празднество было только официальным, — ничего, кроме холода и пустоты, не получилось бы из него. Нет, народные массы, Красный флот, Красная Армия — весь подлинно трудящийся люд влил в него свои силы. Поэтому мы можем сказать: «Никогда еще этот праздник труда не отливался в такие красивые формы». А ведь я видел только небольшую часть того, чем ознаменовал Петроград этот день.

О, мы отпразднуем его еще лучше в 1919 году!.. Товарищи, братья, тогда — верим твердо — мы уже повсюду будем победителями...



В Москве первый официальный Первомай отметили парадом РККА на Ходыньском поле. Смотр боевой мощи и обороноспособности страны стал традицией, продержавшейся вплоть до 1968 года. Вот свидетельство очевидца празднования Первомай в 1918 г. в Москве (К. фон Ботмер): «Всюду, где работали правительственные учреждения и живут рабочие Москвы, город украшается к Первомаю, который должен быть отпразднован по-особому... Днем по возможности лучше оставаться дома, чтобы избежать возможных неприятностей в связи с демонстрациями, «воодушевлением» и страстным увлечением масс празднуемой идеей мировой революции и всеобщего братства. Сколько русских празднуют сегодня победу социализма с искренним убеждением и твердой уверенностью в том, что наступила эпоха счастья?.. День прошел повсюду спокойно. Во время прогулки нашим глазам предстала картина «красного» города, стены Кремля наполовину исчезли под красными полотнищами. Особенно на Красной площади, где похоронены павшие во время революционных боев и где состоялись главные праздничные действия. Глазу некуда деться от красок цвета крови».

В мае 1919 года рабочие-коммунисты депо Москва-Сортировочная Казанской железной дороги решили «до полной победы над Колчаком» раз в неделю работать

сверхурочно и бесплатно. В. И. Ленин назвал эти субботники Великим почином, увидев в них существенный сдвиг в сознании трудящихся, имеющий всемирно-историческое значение: «... Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину».

Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм делается действительно непобедимым».

В 1920 году Первомай — с подачи вождя мирового пролетариата — перерос во Всероссийский субботник.

Одновременно состоялась премьера массового действия с названием «Мистерия освобожденного труда». Число участников действия исчислялось тысячами, зрителей — десятками тысяч.

Следующим логичным шагом в формировании традиций Первомай стало публичное чествование лучших производственников, Героев Труда. В 1921 году в их честь исполнялись песни, организовывались концерты, проводились спортивные выступления. Поначалу имена выдающихся тружеников печатали в газетах и листовках, а затем, с развитием радио и телевидения, их самих стали представлять всей стране в ходе первомайских трансляций. Пожалуй, эту традицию Первомай можно назвать самой устойчивой.

В 1922 году на празднике пролетарской борьбы и победы был заложен обычай приводить к воинской присяге молодых красноармейцев. Этот обычай просуществовал до начала Второй мировой войны. В 1939 году воинская присяга на первомайском празднике звучала в последний раз.

С 1923 года рабочие коллективы по всей стране отмечали Первомай производственными успехами.

Первомайские лозунги 1926 года были существенно индустриализаторскими — «Через индустриализацию к социализму!», «Удесятерим наши силы для полной победы социализма!», «Будем крепить нашу военную мощь!» XIV съезд ВКП (б) в декабре 1925 года постановил превратить СССР «из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового

В. И. Ленин произносит речь при закладке памятника К. Марксу на площади Свердлова. Москва, 1 мая 1920 года



хозяйства», и советские трудящиеся с воодушевлением принялись воплощать решения Партии.

В 1928 году Дней Интернационала стало два — 1 и 2 мая. На второй день, как правило, проводились народные гуляния и выезды на природу.

Горячо откликнулись труженики на принятие в 1929 году первого пятилетнего плана. Новым способом отметить Первомай стало предложенное ленинградским заводом «Красный выборжец» социалистическое соревнование, впоследствии распространившееся на все предприятия страны. Уже 9 мая вышло постановление ЦК ВКП (б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов». Профсоюзным, хозяйственным и комсомольским организациям было дано указание о разветывании массовой работы по доведению плановых заданий до цеха, мастерской, агрегата, станка для того, чтобы ударная бригада, исходя из заданий промфинплана, могла взять на себя конкретное обязательство по улучшению конкретного параметра за оговоренный срок.

Размах всенародного социалистического соревнования стал ясно виден в 1930 году. Каждая майская колонна несла транспаранты и стенды с важнейшими показателями достижений в социалистическом секторе хозяйства. А к первомайским лозунгам первой пятилетки («Пятилетку — в 4 года!», «Пять — за три!» и т.п.) прибавились лозунги начавшейся в конце предыдущего года коллективизации.

Московские театры в рамках социалистического соревнования вывели на улицу сразу два карнавала, поддержав боевой Красной Армии смотр революционных сил мирового пролетариата.

В том же 1930 году характерной чертой празднования стало проведение парадов физкультурников.

Воздушный парад — еще одна важная составляющая первомайского праздника. Появилась она в 1933 году.

Приближение войны не могло не повлиять на характер первомайских выступлений. По всей Европе проходили выступления коммунистов и антифашистов, а Советский Союз стремительно наращивал военную мускулатуру перед неизбежной схваткой с фашизмом.

Советские трудящиеся в предвоенные годы выходили на свой праздник с призывами увеличить выпуск продукции тяжелого и среднего машиностроения, осваивать восточные регионы страны, усиливать военно-патриотическую работу и т.д.

В ходе Великой Отечественной войны Первомай вновь изменился. На время прекратились первомайские парады, демонстрации и массовые гуляния. 1 и 2 мая были объявлены рабочими днями, но дух пролетарского праздника не исчез. Напротив — рабочие во многих отраслях промышленности накануне торжественного дня брали на себя обязательства добиться рекордных показателей в труде. Производственные задания зачастую перевыполнялись в 3–4 раза и более.

Вот как встретили 1 мая 1942 года пермские рабочие: «... Год был не из легких. Отдыхали редко, потому что фронт требовал снарядов, самолетов, орудий. Вот и в этот день наша бригада работала с часу ночи до утра. В 8 часов утра, когда закончилась ночная смена, пришел мастер Долгинцев. Нужны еще две партии деталей. И мы остались работать... Только в час дня пообедали. Работу, на которую по норме нужно две смены, мы сделали за 4 часа...»

А по инициативе предприятий Куйбышева 1 мая 1943 года началось социалистическое соревнование за создание фонда Главного командования. Средства этого фонда предназначались для подготовки решающих ударов Красной Армии по немецко-фашистским захватчикам. Советские люди ничего не жалели для Победы: «...

в фонд обороны и фонд главного командования Красной Армии в годы войны от населения поступило свыше 17 млрд рублей наличными (для сравнения: зарплата рабочего тогда составляла от 500 до 1000 руб.), 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, 4,5 млрд рублей в облигациях госзайма. То есть всего свыше 118 млрд рублей... Эта сумма равнялась среднегодовым расходам на нужды всей Красной Армии. На эти деньги было построено 2,5 тысячи самолетов, свыше 30 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, подводные лодки, бронепоезда и много другой боевой техники».

Труженики тыла, вдохновленные победой под Сталинградом, брали на себя новые, повышенные обязательства по производству оборонной продукции.

Во время войны советские люди накануне 1 мая проводили торжественные собрания, митинги, «летучки» на предприятиях. Главным из первомайских призывов был лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!»

Подарком к Первомаю 1945 года стало знамя Победы, поднятое над рейхстагом в последний день апреля. «Всем нам хотелось покончить с берлинской группировкой к 1 мая», — писал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях.

По окончании войны вновь начались первомайские парады и демонстрации. Задача скорейшего восстановления разрушенной страны, а также укрепления обороноспособности Советского Союза решалась ударными темпами. Трудящиеся вновь встречали 1 Мая перевыполнением планов, вновь намеревались уложить пятилетку в четыре, а то и три года. Как писала «Звезда» в 1948 году, «Советский народ, руководимый партией Ленина, в день 1 мая производит не только смотр, но и мобилизацию всех своих сил для решения новых величественных задач».

Послевоенной мобилизации хватило на многое. Страна была восстановлена из руин. Военная мощь была невиданной. А уже в конце 1940-х США перестали быть единственным обладателем атомного оружия. Вместе с этим накал коммунистической идеи неуклонно снижался.

В 1952 году Первомай в «Призывах КПСС» впервые обозначен как «день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран». А всего годом раньше он был «днем смотра боевых сил трудящихся Мира». Что называется, почувствуйте разницу. Между прочим, именно к 1952 году в СССР появились средства доставки атомных зарядов, способные достичь США. Что заставило изменить официальную риторику — усталость? Миролюбие сильного? Недалековидность?

В дальнейшем всё явственнее проявлялось медленное остывание Красного огня. Нововведений в праздновании Первомай, за исключением телевизионной трансляции (с 1956 года), не было, а традиционные формы праздника потихоньку утрачивались. Так, 1968 год стал годом последнего первомайского военного парада. А уже в 1970 году Первомай получил очередное официальное название — «День международной солидарности трудящихся».

Творческий запал раннесоветского периода растаял. Слова о солидарности трудящихся, борьбе против империализма за мир, демократию из года в год звучали всё более искусственно. Новые баллистические ракеты заступали на боевое дежурство, новые танки направлялись в войска на смену устаревающим, а марксизм-ленинизм, это «могучее идейное оружие трудящихся», оставался всё тем же. Лозунг, с 1966 года славящий марксизм-ленинизм как «вечно живое, всепобеждающее революционное учение», в почти неизменной форме продержался на третьей позиции «призывов» вплоть до начала восьмидесятых.

## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Окончание — со стр. 5

Что будет с танком, если его десятилетиями держать на улице без должного ухода? Что станет с его башней, гусеницами, снарядами? Заведется ли он при боевой тревоге, не развалившись на части? С учением Ленина произошло нечто очень похожее.

Окончательно оформившийся в начале 1980-х «европейский поворот» правящей верхушки отразился и в официальных выступлениях. Главная Первомайская демонстрация страны 1983 года обещала обуздать гонку вооружений, устранить угрозу войны, отстоять и углубить разрядку. И даже заявляла прямо: «Европе — мир, безопасность и сотрудничество!»

Слова последнего генсека о необходимости перестраиваться, сказанные в мае 1985 года, к маю 1986 обнаружилось в праздничной риторике официальных лиц. В год воплощения решений XXVII съезда

КПСС, заявившего курс на ускорение социального прогресса, каждый должен был перестроить стиль и методы своей работы, перестроить свою психологию.

И перестройка случилась.

Содержание Первомая за считанные годы изменилось диаметрально. Если в прежнее время участники праздника демонстрировали свои трудовые достижения и давали торжественные обещания, то в 1989 году они уже рассуждали о политических проблемах СССР, выражали недовольство действиями партийного аппарата, надеялись на лучшее с наступлением рыночной экономики.

Примечательно, что в списке первомайских призывов 1989 года был и такой — «Пусть живет и развивается марксистско-ленинское учение — идейная основа революционного обновления

социализма!» Похоже, кто-то из составителей списка обладал своеобразным чувством юмора.

В 1990 году официальное празднование Дня международной солидарности трудящихся состоялось в последний раз. Собственно, происходившее на главной площади страны и празднованием назвать было нельзя. Участники демонстрации, а точнее, митинга, организованного профсоюзами, требовали зарплат, контроля над ценами, чистого воздуха и т.д. Митинг прошел у трибуны Мавзолея, с которой выступали профсоюзные лидеры и простые рабочие. После принятия резолюции о поддержке реформ и требовании выхода из экономического кризиса шествие двинулось дальше.

Чуть позже проходило альтернативное шествие с митингом, организованное

«Московским объединением избирателей» при поддержке нового Моссовета. Его изначально планировали провести у здания Моссовета, однако Совет Министров предложил Красную площадь — якобы стремясь не разделить, а объединить различные общественные течения. Эта демонстрация собрала множество неформальных объединений с характерными лозунгами — «За вашу и нашу свободу», «Партия, уйди красиво», «Свободу Литве» и пр. Результат явной провокации логичен — руководство страны покинуло трибуну Мавзолея и больше первомайских демонстраций в СССР не было.

А годом позже не стало и самого государства.

Николай Кутявин

Год	Лозунги
1917	Долой империалистическую войну! Да здравствует свободная Россия! Да здравствует новый революционный интернационал! Николая Кровавого в Петропавловскую крепость! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
1918	Да здравствует Советская власть — диктатура рабочих и крестьян над буржуазией! Против империалистской бойни, за мир и братский союз трудящихся всех наций! Против империалистских насильников за вооруженную оборону социализма!
1919	Да здравствует пролетарский Интернационал! Все на борьбу с Колчаком! Смерть ордам Колчака!
1922	Делегации Советов в Геную - наш наказ: мы победили, мы хозяева в стране, наши завоевания - нерушимы, наша власть - незыблема, права и границы советских республик - неприкосновенны
1926	Через индустриализацию к социализму! Удесятим наши силы для полной победы социализма!
1930	Социал-демократы — главная опора империалистов в подготовке новых войн и нападения на СССР! Долой социал-империалистов! Долой социал-фашистов! На борьбу с правым оппортунизмом, главной опасностью в рядах Коминтерна!
1936	Братьям по классу, жертвам фашистского террора, узникам капитализма в день 1 мая — наш пролетарский привет! Фашизм — это наступление капитала на рабочий класс! Фашизм — это захватническая война! Фашизм — это голод, нищета, разорение! Пролетарии и трудящиеся всех стран! Сплачивайтесь в единый фронт для борьбы против фашизма и войны! Да здравствует товарищ Тельман, вождь рабочего класса Германии! Привет пролетариям и трудящимся Испании, успешно наступающим единым фронтом на фашизм и реакцию! Да здравствует героическая коммунистическая партия Испании!
1937	Да здравствует новая Конституция СССР! Конституция победившего социализма и подлинного демократизма! Искореним врагов народа, японо-германо-троцкистских вредителей и шпионов! Смерть изменникам родины! Да здравствует Коммунистический Интернационал — руководитель и организатор борьбы против войны, фашизма и капитализма! Да здравствует Коммунизм!
1942	Братья украинцы, белорусы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы, карелы, временно попавшие под ярмо немецко-фашистских мерзавцев! Раздувайте пламя партизанской борьбы, громите тылы вражеских войск, уничтожайте немецко-фашистских разбойников, — мы скоро придем!
1943	Советские партизаны и партизанки! Усиливайте удары по вражеским тылам, разрушайте железные дороги, мосты и средства связи, истребляйте живую силу противника! Не давайте немцам сжигать наши села и города! Спасайте советских людей от угона в немецкое рабство и истреблении их гитлеровскими палачами! Мщение и смерть немецким мерзавцам! Да здравствуют отважные партизаны и партизанки!
1945	Да здравствует могучий Советский Союз, отстоявший цивилизацию Европы от фашистских погромщиков!
1946	Не допустим, чтобы поджигатели новой войны создали угрозу мирной жизни народов! Будем бдительны в охране завоеванного мира!
1949	Дружба народов Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Англии является лучшей гарантией прочного мира! Да здравствует братский союз народов Англии, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в их борьбе за мир!
1950	Да здравствует великий китайский народ, одержавший историческую победу в борьбе против империализма и его гоминдановских прислужников!

Год	Лозунги
1951	Братский привет свободолюбивому корейскому народу, героически борющемуся за свободу и независимость своей Родины против вооруженной интервенции иностранных захватчиков!
1952	Привет японскому народу, мужественно борющемуся против иностранной оккупации, за возрождение и независимость своей Родины, за сохранение мира!
1953	Трудящиеся Советского Союза! Еще теснее сплотимся вокруг коммунистической партии и Советского Правительства, мобилируем наши силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране! Права советских граждан, гарантированные нашей Конституцией, — незыблемы и свято оберегаются Советским Правительством!
1954	Пусть крепнет солидарность народов в борьбе против возрождения германского милитаризма, против создания агрессивных военных группировок! За прочный мир и коллективную безопасность для всех европейских народов!
1956	Трудящиеся всех стран! Добивайтесь сокращения вооружений и вооруженных сил! Требуйте запрещения атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения! Атомную энергию — на службу мирного прогресса человечества!
1958	Народы мира! Советский Союз прекратил испытания всех видов атомного и водородного оружия! Требуйте от правительств США и Англии немедленного прекращения испытаний атомного и водородного оружия повсеместно и на вечные времена!
1959	XXI съезд КПСС ознаменовал вступление нашей Родины в новый период своего развития — период развернутого строительства коммунизма! Трудящиеся Советского Союза! Все силы на осуществление всемирно-исторических решений XXI съезда партии!
1962	Трудящиеся Советского Союза! Все силы на осуществление исторических решений XXII съезда КПСС, великой программы строительства коммунистического общества! Вперед, к победе коммунизма!
1965	Народы мира! Боритесь за прекращение военной интервенции американского империализма в Южном Вьетнаме и его агрессивных действий против Демократической Республики Вьетнам! Требуйте немедленного вывода вооруженных сил США из Южного Вьетнама! Руки прочь от Вьетнама!
1973	Братский привет героическому вьетнамскому народу, одержавшему историческую победу над силами империалистической агрессии! Да здравствует советско-вьетнамская дружба! Мир, свободу и независимость всем народам Индокитая!
1976	Народы мира! Боритесь за углубление разрядки международной напряженности, за воплощение ее в конкретные формы взаимовыгодного сотрудничества между государствами с различным социальным строем! Разоблачайте происки сил агрессии, реваншизма и реакции — врагов мира и безопасности народов!
1978	Коммунисты Европы! Боритесь за достижение целей, выдвинутых Берлинской конференцией коммунистических и рабочих партий!
1979	Народы мира! Добивайтесь, чтобы неприменение силы стало законом в международных отношениях, а ядерное оружие было запрещено навечно!
1981	Народы мира! Последовательно выступайте за запрещение ядерного и других видов оружия массового уничтожения! «Нет!» — ядерной войне!
1987	Коммунисты! Будьте в авангарде перестройки! Проявляйте активность и новаторство в работе! С революционной настойчивостью боритесь за осуществление решений январского Пленума ЦК КПСС!
1990	Советские люди! Объединим усилия для созидания гуманного, демократического социализма!

Остывание было настолько явным, что проявилось даже в первомайских лозунгах, в которых, казалось бы, должно было скрываться. Однако нельзя скрывать то, что не понимаешь. А есть большие сомнения в том, что советское руководство вполне отдавало себе отчет в происходящем

# История Первомая в СССР — остывание Красного Огня. Часть II

Интереснейшая работа была проведена С. Якобсоном и Г. Лассуэлом по контент-анализу советских первомайских лозунгов с 1918 по 1943 г. и исследованию их эволюции. Судя по последней дате, работа была выполнена в конце войны, когда чуть ли не все социологи, антропологи и психологи США были «мобилизованы» на работы, которые должны были помочь США в борьбе с его потенциальным (тогда, уже через 5 лет — реальным) главным противником — СССР. То есть работа над первомайскими лозунгами была проведена в «военных целях» — в этом нет никакого сомнения.

Надо сказать, что один из авторов, Гарольд Лассуэл — признанный во всем мире основоположник теории пропаганды, да и вообще современной политологии, основатель Чикагской школы социологии. Лассуэл считал, что пропаганда — это «управление социальными установками людей и групп посредством манипулирования значимыми символами». Пропаганда, с его точки зрения, — «психологическая манипуляция, умышленно совершаемая лицом или группой лиц, имеющая цель изменить мнения и убеждения других людей, побудить их к действиям в определенном, нужном пропагандисту, направлении», цель пропаганды, по Лассуэлу, — насаждать политическую мифологию. Пропаганда для него — вид оружия, более «экономного», чем традиционные: это «инструмент тотальной политики вместе с дипломатией, экономическими мероприятиями и вооруженными силами. Ее цель заключается в экономии материальных затрат на мировое господство».

Во время Второй мировой войны Гарольд Дуайт Лассуэл был руководителем Отдела по изучению военных коммуникаций библиотеки Конгресса США, работу которого финансировали военное ведомство, Госдеп и Министерство юстиции, а также Фонд Рокфеллера, который выделил отделу грант в 85 тысяч долларов (что, по тем временам, очень неплохие деньги, в пересчете на нынешние — это несколько миллионов). Основное направление работы отдела — контент-анализ пропаганды противоборствующих сторон. Также проводилась подготовка технического персонала на случай того, что США примут более активное участие в пропагандистской деятельности.

Лассуэл был одним из первых, если не первым, кто массированно применял контент-анализ для исследования содержания и направленности СМИ. Им были разработаны методы, которыми пользуются до сих пор. В частности, он первым начал использовать в качестве единиц контент-анализа символы (а не персоналии или экономические показатели), так как считал, что «символические отношения организуют отношения между людьми».

Выделяя в качестве основных смысловых единиц символы, возможно, по его мнению, обнаружить не только закономерности в использовании пропагандистских стереотипов, но и главные мотивы и даже скрытые намерения коммуникаторов. Так, используя символ как важнейшую аналитическую единицу контент-анализа, Г. Лассуэл во время Второй мировой войны доказал, например, что выходящая тогда в США газета «Истинный американец» является профашистской, что послужило основанием для ее запрещения.

Этот же метод Лассуэл применил и для анализа советских первомайских лозунгов.

Для классификации ключевых символов были использованы II категории:

I. Революционные символы — ключевые термины, одобряющие или предвещающие революцию (например: социализм, всемирная революция, Всемирный Октябрь и т.д., коммунизм, красный, пролетарии, диктатура пролетариата, советская власть и т.д.).

II. Антиреволюционные символы, подразумевающие существование и определяющие врагов революции (например: фашизм, капитал, диктатура, империализм, контрреволюция, антисоветский, иностранная агрессия, социал-демократы, реакция, милитаризм, феодализм, интервенция, кулаки, саботажники, помещики, либералы, гражданская война и т.д.).

III. «Национальные» символы — «описывающие СССР скорее как «национальное» сообщество, нежели как государство с отдельными доктринами и институтами» (например: Родина, наша земля, патриотизм, безопасность, враг, агрессия, окружение СССР, мир, мирная политика и т.д.).

IV. Универсальные символы (например: международный, интернационализм, человечество, земной шар, коммунистический интернационал и т.д.).

V. Символы внутренней политики, зависящие от текущих проблем и поэтому часто меняющиеся (например: культура, план, планирование, пятилетний план и т.д., техника, производство, колхозы, электростанции, индустриальная нация, самокритика, бюрократия, конституция, кооперативы, фронт, тыл и т.д.).

VI. Символы внешней политики, в которых описываются или одобряются официальные действия СССР в отношении иностранных держав. В них дублируется большинство «национальных» символов. Кроме того, добавляются названия всех стран и регионов, которые фигурируют в лозунгах.

VII. Символы социальных групп — слова-идентификаторы, использующиеся в обращении к социальным группам, (например: беднота, пролетариат, рабочие, крестьяне (кроме кулаков), Красная Армия, шахтеры и др. профессии, колхозники,

интеллигенция, беспартийные, стахановцы, чекисты, помещики, нэпманы и т.д.).

VIII. Имена (например: Ленин, Маркс, Энгельс, Люксембург, Сталин, Колчак, Деникин, Тельман, Урицкий, Чан Кай-ши и пр.)

IX. «Либеральные» символы «из прошлых времен, зафиксированные в предпролетарской идеологии свободы» (например: сыны, братья, братство, свобода, гражданин, идеал, честь, героический, ответственность, демократия, кровь, смерть и т.д.)

X. Символы «морали» (например: солидарность, дисциплина, оппортунизм, лояльность, честность, обязанность, мораль, правосудие и др.).

XI. Символы «действия» — «глаголы и выражения, требующие участия аудитории» (например: Победа, победный, Успех, Да здравствует..! Долой..! и др.)

Кроме того, было выделено шесть стилизованных категорий:

A. Описание: «1 Мая — праздник трудящихся».

B. Одобрение: «Да здравствует коммунистическая партия России!».

C. Обвинение: «Долой армии империализма!».

D. Призыв: «Внимательно следите за заговорами наших врагов».

E. Адресация: «Рабочие, крестьяне, красноармейцы...».

F. Самоидентификация: «...Коммунистическая партия России — партия рабочего класса, партия Ленина».

На рисунках 1–6 приведены некоторые результаты исследования Якобсона и Лассуэлла. Рисунки сделаны по данным, приведенным в той же статье.

Закономерности, которые можно видеть на рисунках, вполне показательны и сами по себе достаточно много говорят тому, кто хоть немного знает историю СССР и для кого, например, «год 1920-й» или «год 1932-й» — не пустые звуки, а более-менее представимые времена, ситуации, контексты (см. *Рис. 1-6*).

К сожалению, у нас нет данных о том, откуда авторы исследования брали лозунги для анализа: из каких именно газет, достаточно ли репрезентативная у них была выборка и газет, и самих лозунгов. Но поскольку в советское время решение о лозунгах к 1 мая принималось на самом высшем уровне, а советские газеты в смысле лозунгов повторяли друг друга, то мы можем, в общем, надеяться, что результаты авторов исследования отражают реальность, а не ошибку исследователей.

Далее авторы подробно описывают данные, соотнося их с внутри- и внешнеполитической обстановкой, характерной для каждого из лет, которые взяты для анализа (при этом, естественно, их представления о политической обстановке в СССР не всегда верны и точны: исследователи — американцы).

Вот некоторые, наиболее интересные выводы самих авторов (с нашими комментариями).

1. *Закреплено заметное уменьшение «универсально-революционных» символов: более чем 12% в 1919 году — менее чем 1% в 1943 году.* Если в первые годы Советской власти революционные символы преобладали, то потом они пошли на убыль. Авторы статьи объясняют это тем, что советская элита постепенно «поняла», что наладить отношения с внешним миром можно, только убрав явные претензии на революцию. Кроме того, они отмечают и роль внутривластной полемики на тему мировой революции и резкое изменение лозунгов после победы точки зрения Сталина над точкой зрения Троцкого: «После поражения Троцкого и принятия теории «Социализма в отдельной стране», сформулированной Сталиным, такой значительный и серьезный термин, как «всемирная революция» исчез из первомайских лозунгов 1926 года и был заменен двусмысленными терминами — такими, как «мировой союз пролетариата», «объединенный фронт трудящихся всех стран», а также такими старыми лозунгами «всемирное профсоюзное движение» или «союз европейского и американского пролетариата с поработенными народами Востока».

2. *Также всё меньше внимания в лозунгах уделяется ссылкам на врагов революции («антиреволюционные» символы).* Вообще, если посмотреть на рисунок 1, то мы увидим, что не только революционных намерений поубавилось, но и врагов тоже. То есть, в сумме, наверное, можно говорить о том, что потихоньку исчез (или почти исчез) мотив борьбы, войны. В первые годы после революции он постоянно присутствовал и соответственно оформлялся в некоторой «военизированной» лексике. «Международный пролетариат назывался всемирной армией» рабочих. Был создан единый «фронт» мирового пролетариата против капитализма. Советский Союз был объявлен «авангардом» мирового коммунизма. «Международная коммунистическая партия называлась «штабом», организующим «передовые войска» мирового пролетариата. Также была и другая лексика военной тематики». Но постепенно этот мотив борьбы начал слабеть, хилеть и почти исчез. Если формулировать прямолинейно (только для большей логики изложения), то можно сказать, что от Борьбы — в высочайшем значении — отказались.

3. *Тенденция к употреблению «национальных» символов в лозунгах, наоборот, усилилась: менее чем 1% в 1920 году — и более чем 7% в 1940 и 1942 годах.*

Окончание — на стр. 8

## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Окончание — со стр. 7

4. Также усилилась, несмотря на явные взлеты и падения, тенденция к включению в лозунги символов «внутренней политики» в противовес с «внешнеполитическими». То есть «любимая революционная лодка разбилась о быт»: внутренние (в большинстве так или иначе хозяйственные) вопросы поглощали всё внимание и руководства, и масс. Конечно, скорее всего, это было связано с гигантской сложностью, почти что неразрешимостью стоявших перед СССР задач, которые должны были быть, тем не менее, решены, а совсем не принятым кем-то «решением» переключиться на внутренние дела в ущерб внешней политике. Однако очень показательно, что это заметно даже по исследованию первомайских лозунгов.

5. Частотность символов «обвинения» снижается с 1918 года: наивысший пик активности — 3%. Естественно: если нет (или почти нет) врагов, то кого обвинять?

6. Аналогичная тенденция прослеживается при анализе символов «ожидания» (пик активности — более чем 12% в 1920 году). То есть «ожидания», надо полагать, не подтвердились или не вполне подтвердились. В первую очередь это касается надежд на мировую революцию. Зато частотность терминов «самоидентификации» растет и достигает высшей точки — приблизительно 9% — к войне. И, конечно, это тоже очень показательно.

7. Специальный анализ употребления выражений «Коммунистическая партия (Советского Союза)» и «Советская власть» показывает, что после 1926 года явно уменьшается частотность упоминаний о «Коммунистической партии» и увеличивается процент использования сочетания «Советская власть». То же ведь исключительно показательный вывод. Как минимум это означает, что роль партии как генератора смыслов и идеологии в головах самого руководства партии (которое и генерировало первомайские лозунги) постепенно стала менее важной, чем роль партии как «вдохновителя и организатора» производственных и прочих хозяйственных побед.

Характерно, что в работе Яковсона и Лассуэла фактически отсутствуют выводы. Точнее, за выводы в 30-страничной статье выдано вот это: «В целом, первомайские лозунги, в конечном счете, представляют собой различные вариации на одну и ту же тему. Их лейтмотивом является безопасность советского режима. Это касается даже тех случаев, когда Москва предпринимает или делает вид, что предпринимает, революционную деятельность за границей. Смешение внешне- и внутривнутриполитических лозунгов, а также многолетние изменения, происходящие в их взаимоотношениях между собой, также можно объяснить борьбой советского режима за выживание».

Видимо, господа исследователи выводы отрезали и сдали заказчикам — в Госдеп, например, а в открытой публикации от выводов воздержались.

Однако данных, приведенных в статье, вполне достаточно для хотя бы некоторых выводов. Главным из которых представляется то, что остывание Красного Огня в СССР было настолько явным процессом, что проявилось даже в первомайских лозунгах, в которых, казалось бы, должно было скрываться. Однако нельзя скрывать то, что не понимаешь. А есть большие сомнения в том, что советское руководство вполне отдавало себе отчет в происходящем.

В любом случае, исследование Яковсона и Лассуэла — прекрасный пример того, как социологические методы, честно примененные даже врагами, позволяют выявить процессы, совсем не очевидные даже исполнителям главных ролей в них.

Юлия Крижанская

Рисунок 1. Доли символов категорий I и II в первомайских лозунгах 1918–1942 гг., проанализированных в статье Яковсона и Лассуэла (по их данным).

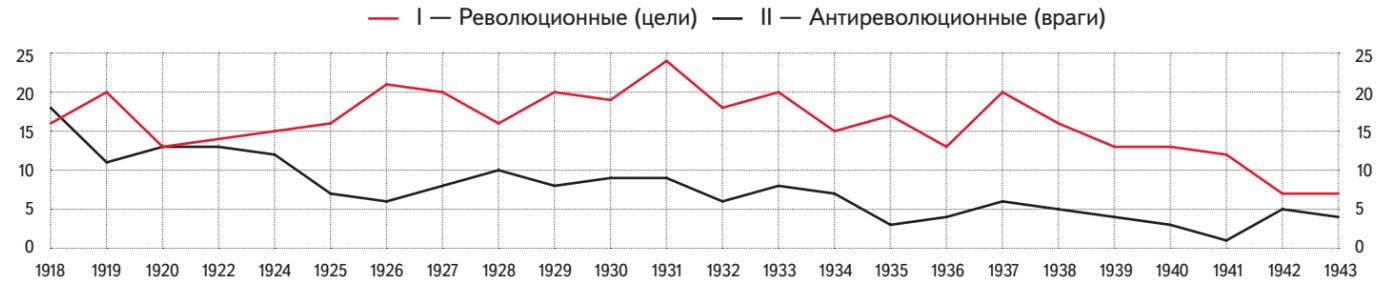


Рисунок 2. Доли символов категорий III и IV в первомайских лозунгах 1918–1942 гг., проанализированных в статье Яковсона и Лассуэла (по их данным).



Рисунок 3. Доли символов категорий V и VI в первомайских лозунгах 1918–1942 гг., проанализированных в статье Яковсона и Лассуэла (по их данным).



Рисунок 4. Доли стиливых категорий B и C в первомайских лозунгах 1918–1942 гг., проанализированных в статье Яковсона и Лассуэла (по их данным).

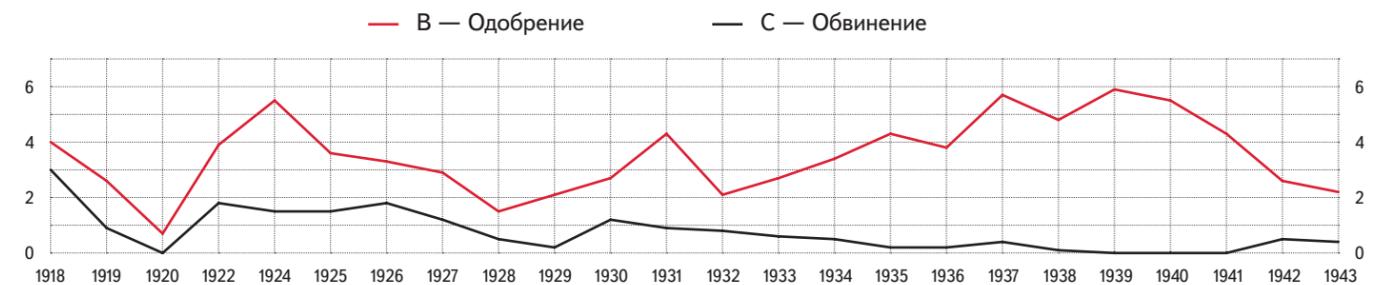


Рисунок 5. Доли стиливых категорий A и F в первомайских лозунгах 1918–1942 гг., проанализированных в статье Яковсона и Лассуэла (по их данным).

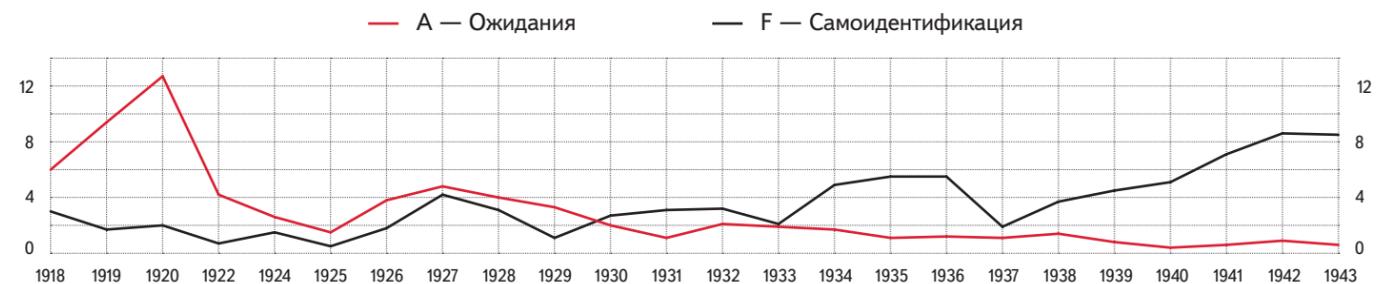
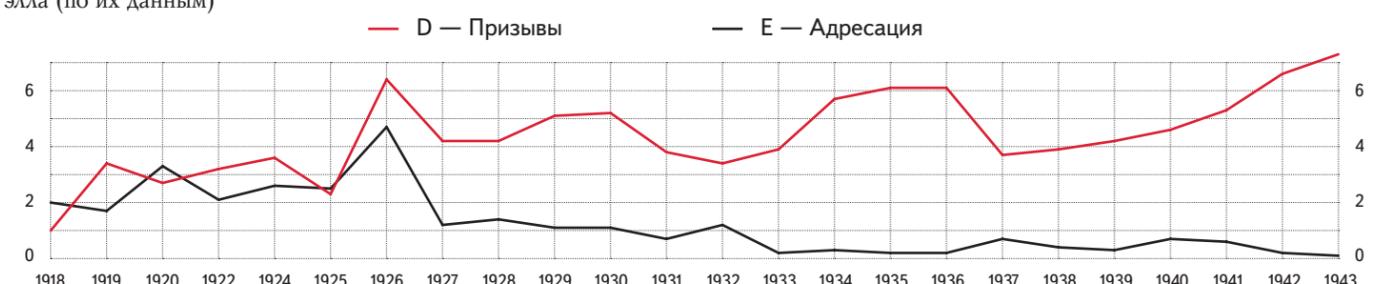


Рисунок 6. Доли стиливых категорий D и E в первомайских лозунгах 1918–1942 гг., проанализированных в статье Яковсона и Лассуэла (по их данным).



Одна из версий гласит, что самоубийство Ги Дебора было спровоцировано запланированной телевизионной передачей о Деборе, его идеях и ситуационизме. Возможно, Дебор посчитал, что спектакль смог рекуперировать его самого, то есть что из критики спектакля сделают спектакль критики. И надо отдать Дебору должное за честность, неподдельную ненависть к спектаклю и огромное желание преодоления отчуждения

# Рекуперация революции

Любое развитие есть усложнение форм. Данное утверждение справедливо и в отношении социального развития. Политические и социально-экономические процессы со временем усложняются, а необходимость их описания не отпадает, а, напротив, только возрастает. Ученый-одиночка уже не способен рассмотреть бурно изменяющееся общество как целостную систему. Социальный заказ же на интерпретацию происходящего велик.

Среднестатистический человек не обладает ни знанием, ни временем на самостоятельное изучение интересующих его вопросов, а читать специализированные исследования не всегда интересно и легко. Поэтому бурно цветет конспирология: обыватель доволен простыми ответами, а ее создатели получают немалую политическую и финансовую прибыль.

Конспирология утверждает, что всё происходящее — заговор элит, которые скрывают истину от простых людей. Публичные политики — просто актеры, исполняющие заданную им роль в театрализованном представлении. Настоящие же режиссеры и продюсеры общественной жизни — всегда за кулисами.

Такие понятия, как «общество спектакля», «политический спектакль», часто используются в конспирологических теориях. Но мало кому известен первоисточник научного концепта «Общество спектакля» и общественно-политический контекст его рождения. «Общество спектакля» придумал французский философ Ги-Эрнст Дебор. Его идеи стали популярны во второй половине XX века, особенно после майских событий во Франции 1968 года.

Европейские события 1968 года до сих пор вызывают споры. Была ли это революция? Если да, то чья? Победила она или проиграла? Ясно одно: 1968 год — год трансформаций политических процессов, общественного мнения и истории.

Мне кажется, между теми событиями и «арабской весной» есть некоторое сходство. Они похожи быстрым распространением, ролью студентов и молодежи, перекройкой политических сил и широтой охвата. Однако отличие в том, что «арабская весна» срежиссирована почти полностью, а 1968 год был эпохой, сочетавшей в себе и объективные исторические тенденции, и достаточно весомые элементы игры. Возможно, именно тогда сильные мира сего в полной мере осознали мощь игры и взяли на вооружение игру как фактор политики.

Тяжело понять, что было первопричиной волнений в разных странах, которые охватили почти весь земной шар. Протесты 1968 года — это: майские события во Франции, студенческое движение в ФРГ, политический кризис в Польше, студенческие волнения в Югославии, Бельгии и даже в Мексике. В США в этот год был убит Мартин Лютер Кинг, что привело к бунтам чернокожего населения страны. Растет недовольство внешней политикой США,

на улицы выходит молодежь. Она выступает против войны во Вьетнаме, американскую внешнюю политику называют империалистической и даже фашистской.

В том же 1968 году войска Варшавского Договора вводятся в Чехословакию, что ставит крест на результатах «оттепели» в создании позитивного образа СССР в глазах западного мира. После убийства Че Гевары в 1967 году его образ становится символом революции, а геваризм широко распространяется в левой среде.

Но центром событий 1968 г. была, конечно, Франция. Во главе Франции в то время — генерал Шарль де Голль, добивавшийся самостоятельности страны и от США, и от СССР. Де Голль для Франции сделал много великого и важного. Именно он призвал французов на борьбу с фашистами, чем спас честь народа. Основал Пятую республику, добился зачисления Франции в список стран-победительниц во Второй мировой войне. Благодаря усилиям генерала-президента Франция отказалась от использования доллара в международных расчетах и перешла на единый золотой стандарт, а в США был отправлен корабль, набитый долларами для обмена на золото. Поссорившись с США, де Голль вывел страну из НАТО. Франция вела самостоятельную внешнюю политику и при необходимости могла повернуться в сторону СССР, а не США. Естественно, всё это не устраивало Штаты. Это сейчас мы знаем, что в неудобных для США странах «естественно» происходят цветные революции. А в отношении Франции 1968 года всё более спорно. Однако факт состоит в том, что в 1969 году Шарль де Голль подал в отставку.

Одновременно во Франции нарастают «странные» социальные проблемы. Франция того времени — страна индустриальная, ей не нужна армия гуманитариев. Но лавинообразно растет число студентов гуманитарных факультетов. Например, на одном только филологическом факультете университета «Париж X — Нантер» численность студентов возросла с 2 до 12 тысяч человек. Кстати, традиционно этот университет считается левым во Франции. Именно здесь начинаются студенческие волнения еще в 1967 году, руководимые Даниэлем Кон-Бендитом, здесь же учился философ-марксист Даниэль Бенсайд.

О политизированной жизни студентов хорошо написал французский писатель Робер Мерль в своем романе «За стеклом». Он был очевидцем леворадикального бунта и лично общался с «героями революционного времени». Мерль так описывает тогдашние студенческие нравы: «В былые времена, чтобы почувствовать себя студентом, прибегали ко всяким фольклорным штучкам: студенческий берет, разгул по случаю окончания учебного года, розыгрыш новичков. Теперь оккупируют аудитории, бойкотируют экзамены, лупят деканов. И, заметь, лупят во имя борьбы против общества насилия». Все

преподаватели сходу объявлялись реакционными, из общежитий был выдворен надзор для беспрепятственного хождения ночью в женскую часть. Около входа в университет постоянно находились различные агитаторы: анархисты, троцкисты, маоисты, коммунисты; последних часто называли реакционными элементами. Студенчество было раздроблено на группки, которые окукливались, как секты, и до хрипоты спорили друг с другом. Р. Мерль пишет: «Будь то Троцкий или Мао, для них это всегда Господь Бог, Библия. Ни шагу за ее пределы. Когда нужно что-то решить, как, например, сегодня, они, вместо того чтобы рассмотреть конкретную ситуацию и разработать стратегический план, бросаются к своей КНИГЕ. Что там сказано? Тебе цитируют какую-нибудь строку, толкуют ее, и баста. Истина перед вами, возведена с амвона: «Преклоните колени, жалкие людишки!»

Вот несколько лозунгов, которыми был исписан Париж:

- Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрешь с голоду, платят риском помереть со скуки.
- Как ни проголосуешь на плебисците, «да» или «нет», из тебя всё равно сделают козла!
- Будьте реалистами, требуйте невозможного!
- Вся власть воображению!
- Пролетарии всех стран, развлекайтесь!

Удивительно, как только из этого вообще что-то вышло.

Хронология «Красного Мая» была следующей. 22 марта студенты захватили здания административного корпуса, требуя освобождения 6 своих товарищей, арестованных за протесты против Вьетнамской войны. Кон-Бендит был одним из организаторов «Движения 22 марта», которое радикализовало обстановку в Нантере. С этого начались постоянные протесты и постоянные аресты. 2 мая были отменены занятия на «неопределенное время». 3 мая студенты Сорбонны провели демонстрацию в поддержку Нантера. Были тяжелые столкновения: 2 тысячи полицейских против 2 тысяч студентов; несколько сот человек были ранены и почти 600 задержаны. 4 мая Сорбонна закрыта, первый раз со времен фашистской оккупации, что сразу же вызвало определенные ассоциации. Младшие преподаватели призвали к всеобщей забастовке в университетах, и пошло-поехало.

6 мая на улицы вышли 20 тысяч человек. Студенты беспрепятственно прошли по городу. 7 мая демонстрации перекинулись на другие университеты и лица

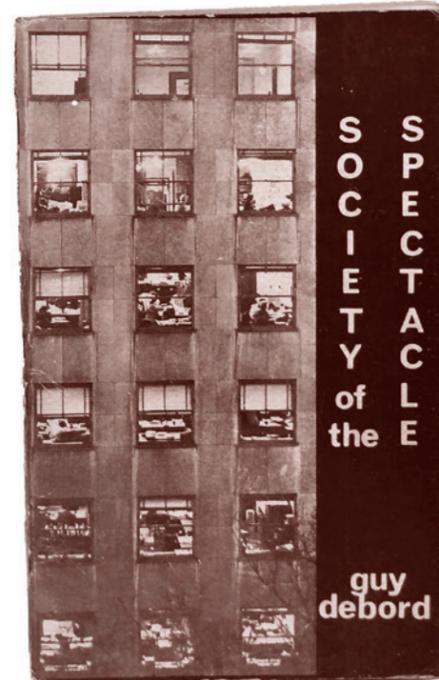
Парижа. Вечером этого же дня студентов поддержали профсоюзы преподавателей. 11 мая оппозиционные партии потребовали срочного созыва Национального собрания. 13 мая страна была полностью парализована всеобщей 24-часовой забастовкой, в которой приняли участие (!) 10 миллионов человек — это почти всё трудоспособное население. Начался захват университетов, театров, заводов. К забастовке присоединились телеграф, телефон, почта, общественный транспорт. Были даже успешные попытки организации рабочих Советов на заводах.

Через полмесяца голлисты проводят пятисоттысячную демонстрацию. 30 мая де Голль заявляет, что не покинет своего поста, но проведет досрочные выборы. Буржуазия и «средний класс» были напуганы творившимся хаосом и призраком коммунизма до такой степени, что проголосовали за голлистов. Революция закончилась, но вместе с тем закончилось и политическая карьера де Голя.

Из всего перечня мировых событий 1968 года парижские волнения были самыми яркими. Студенты во многом организовали протест ради протеста — для них революция стала модным товаром, как для наших креаклов — Болото. Налицо симптомы, схожие с тем, что мы видим во время цветных революций, а именно — проигрыш всех: де Голль ушел в отставку, а революция не привела к коммунизму.

Многие западные левые предвидели такой вариант развития событий. Одним из них был Ги-Эрнст Дебор. Основные его идеи изложены в работе «Общество спектакля». Эта книга написана в форме емких тезисов, напоминает работу К. Маркса «Тезисы о Фейербахе», что дает большие возможности интерпретации и вместе с этим немалый риск неверного восприятия его идей.

Продолжение — на стр. 10



## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Продолжение — со стр. 9

Ги-Эрнст Дебор — французский философ, художник-авангардист, режиссер, участник и руководитель Леттристского интернационала, основатель Ситуационистского интернационала (СИ). Его идеи вдохновляли многих активистов парижских событий 1968 года, некоторые тезисы Дебора стали лозунгами той эпохи. Он был последователем в первую очередь раннего Маркса, занимался проблемой отчуждения. Дебор и другие члены СИ считали себя марксистами «ровно настолько, насколько и сам Маркс был им, когда он сказал: «Я не марксист». Во многих концепциях Дебор предвосхитил постмодернистов и оказал заметное влияние на Ж. Делеза, Ж. Бодрийера и Ж. — Ф. Лиотара. Он своеобразен и актуален так же, как малоизвестен и вызывающ.

Если Фромм говорил о модусах «быть» и «иметь», то Дебор использовал дополнительное понятие «казаться». «Общество спектакля» можно описать формулой «И нам уже важнее казаться, и нам уже неважно быть». На русский язык «общество спектакля» переводят еще как «общество зрелища». В принципе оба варианта допустимы и дополняют друг друга. Когда человек хочет казаться кем-то, а не выражать свое действительное внутреннее содержание, он превращает самого себя в зрелище для других.

Дебор не был академичным исследователем, свои идеи излагал резко и без каких-либо стеснений, его работы написаны в вольном стиле, поэтому в них не всегда удается разобраться с первого раза. Дебор дает множество даже не определений, а описаний обществу спектакля, приведем некоторые из них:

«Спектакль вообще как конкретное отрицание жизни есть самостоятельное движение неживого». Здесь можно вспомнить Э. Фромма, который трактовал марксовский антагонизм труда и капитала как противоречие между живой и неживой социальной силой. Далее: «Спектакль — это не совокупность образов, но общественные отношения между людьми, опосредованные образами». «Спектакль — это основной продукт производства современного общества». И, наконец, на мой взгляд, самое главное определение: «Спектакль есть ни что иное, как экономика, развивающаяся ради себя самой». Задача спектакля, по Дебору, — это постоянное производство отчуждения.

Можно остановиться на следующем понимании общества спектакля: это капитализм на той стадии развития, когда деятельность экономики направлена на саму себя, где производство стало самоцелью, а не средством удовлетворения каких-либо потребностей или развития человека. Спектакль не является надуманным, привнесённым извне, напротив, он есть логическое продолжение капитализма, шире — всеобщего расслоения, связанного со специализацией власти, классовым разделением и государством. Таким образом, говоря языком Маркса, спектакль — это капитализм, перешедший от прогрессивной фазы к регрессивной, когда он начинает тормозить общественное развитие. По Дебору, спектакль может стать некоторым концом истории. Сказано это им было буквально, а именно: «В спектакле классовое общество систематически желало устранить историю».

Ги Дебор был ярким антиэтатистом, он выступал против признания государства как необходимого блага, в этом и в других вопросах он был близок к анархистам. Раскол I Интернационала и ссору между Марксом и Бакуниным он считал исторической ошибкой, которая развела по разные стороны баррикад союзников. Дебор считает, что должны быть организованы антигосударственные рабочие советы в международном масштабе, которые будут самоорганизовываться на местах для



Ги Дебор

производства и принятия тех или иных политических решений. А для этого необходимо возбуждать индивидуальное желание к коллективному захвату мира.

Еще в 1967 г. Дебор писал, что спектакль существует в двух формах: концентрированной и распыленной — в зависимости от того, какой уровень нищеты населения необходимо сохранить. Первая форма присуща бюрократическому капитализму (имелся в виду СССР), она отличается насильственными методами воздействия и наличием лишь одного единственно верного образа мыслей. Распыленный спектакль присущ западному капитализму, который насыщен товарами. Основное различие между двумя видами спектакля заключается в том, что концентрированный спектакль не предполагает свободного выбора, а распыленный только декларирует свободу, но предлагает выбор среди тождественных вариантов. Между этими формами существует разделение труда, однако концентрированный спектакль близок к поражению, так как отсутствие свободы здесь наиболее очевидно.

Позже, в работе «Комментарии к «Обществу спектакля» (1988 г.), Ги Дебор отметил, что возник новый вид спектакля — интегрированный спектакль. Он представляет собой комбинацию двух предыдущих форм, взявшую за основу распыленный. Концентрация здесь присутствует, но она уже скрыта, властный центр ушел в тень.

Интегрированный спектакль действует следующим образом. Каждый микролидер определенное время собирает вокруг себя людей по интересам. Например, Чирикова — экологов и любителей Химкинского леса, Навальный — ненавистников коррупции, Удальцов — леваков, Касьянов — буржуа, Собчак — креаклов и так далее. Конечно, природу необходимо беречь, а с коррупцией — бороться, но в действительности всё превращено в театральное действие. Каждый микролидер подает определенный сигнал своей группке: Путин и действующая власть виноваты в плохой экологии / расцвете коррупции / отсутствии социализма / отсутствии капитализма / недостаточной креативности и так далее. Как говорится, нужно подчеркнуть. То есть сначала через распыление собираются микрогруппы, а позже они все концентрируются на одной точке. Кстати, данная иллюстрация хорошо показывает точность определения политики как управления общественной энергией.

С точки зрения Дебора распыленный спектакль более живуч, чем концентрированный, а интегрированный — способен утвердиться раз и навсегда, поэтому концентрированный должен рухнуть. Под последним подразумевался СССР. В сущности, так и произошло.

Особое внимание Дебор уделяет вопросам, связанным с пролетариатом. Он отмечает, что в СССР господствовала диктатура бюрократии, которая являлась

единоличным собственником при государственном капитализме. Вопрос отчуждения не был снят, так как труд остался товаром. А именно это главное определение капитализма (товарное хозяйство на такой стадии развития, когда труд становится товаром). Бюрократия старается скрыть от масс факт своего реального господствующего положения. Дебор объясняет причины кризиса революции следующим образом: «Революционное рабочее движение было полностью уничтожено совместными усилиями сталинской бюрократии и фашистского тоталитаризма».

Основное требование Дебора к революционным организациям — непримиримая борьба со всеми видами отчуждения и формами власти, основанными на отчуждении. От пролетариата требуется не только развитое классовое сознание. Дебор утверждает, что «Пролетариат может прийти к власти, только став классом сознания». Если в отношении СССР с Дебором можно поспорить, то в отношении основной задачи пролетариата, обозначенной, по сути, как становление когнитариата, спорить глупо.

Выше я уже отметил, что «Общество спектакля» можно понимать как некий вариант конца истории, Дебор об этом пишет так: «Уничтожить историческое знание как таковое — вот в чем заключалась главная задача господства спектакля». Или вот еще одна цитата: «Конец истории культуры проявляется с двух противоположных сторон — в проекте ее преодоления как целостной истории, и в организации ее сохранения в качестве мертвого объекта в зрелищном созерцании. Одно из этих направлений связало свою судьбу с социальной критикой, а другое — с защитой классовой власти». Естественно, в варианте «преодоления в целостной истории» конец истории — это начало новой истории, которую мы называем сверхисторией в противоположность постистории. Рассмотрим эту проблему в отношении различных форм спектакля.

При полноте власти номенклатуры, то есть в концентрированном спектакле, партия и ее вожди лучше всех знают, что делать для наступления мирового социализма (коммунизма), а от народа требуется лишь послушание и одобрение всех принимаемых решений. Изо дня в день выходят различные статьи о крахе капитализма, загнивании мирового империализма и народ всему этому верит, а номенклатура занята мыслями о снос надстройки и распылении базиса.

Распыленный спектакль превращает революцию в модный товар, а пролетариат переходит от отчуждения к овеществлению. Об этом, может, и грубо, но предельно ясно высказался Д. Бенсайд в своей книге «Спектакль как высшая форма товарного фетишизма»: «Он [имеется в виду рабочий — А.Ч.] сам становится товаром — еще более мерзким потому, что он создает больше товаров. Обесценивание мира людей возрастает прямо пропорционально росту ценности мира вещей». Если человек превращается в товар или вещь, то о какой социальной революции может идти речь?

Интегрированный спектакль идет дальше и называет революцией то, что ею не является. Для коммунистов революция — это благо по определению. На место рабовладельцев приходят феодалы, в свое время на место феодалов приходит класс буржуазии, и, наконец, пролетариат осуществляет мировую социалистическую революцию. Но как сейчас обходится с чуть ли не «сакральным» понятием революции? Слово революция встречается нам на каждом шагу. Революция цен, научно-техническая революция, революция моды, сексуальная революция, наркореволюция, есть даже книга под названием «Революция Гайдара», Александр Дугин

использует понятие «консервативная революция», которую честнее назвать правой контрреволюцией, — продолжать можно до бесконечности. Принцип: назови революцией все и тогда ничто не будет революцией. О цветных революциях, думаю, можно и не говорить.

Ситуационистский интернационал, возглавляемый Ги Дебором, ввел понятие «рекуперация». Рекуперация есть процесс превращения истинных революционных идей, тактик, целей, ценностей и так далее — в товар ради укрепления Общества спектакля. Ситуационисты в памфлете «О нищете студенческой жизни...» пишут: «Студент как никто иной жаждет быть политизированным. Однако он игнорирует тот факт, что его участие в политике осуществляется посредством того же спектакля. Потому он связывается со смехотворными осколками левого движения, которое было уничтожено «социалистическим» реформизмом и сталинской контрреволюцией более сорока лет назад. ... Преисполненный дебильной гордости, студент принимает участие в самых клоунских демонстрациях, которые только студентов и могут привлечь. Ложная политическая сознательность обретает свое чистейшее выражение в студентах и делает из них идеальную базу для манипуляций бюрократов...».

По моему мнению, рекуперация — это превращение самой революции в провокацию.

В «Манифесте Коммунистической партии» пролетариат был назван могильщиком капитализма, однако, как сказал Д. Бенсайд, в обществе спектакля пролетариат — это товар, производящий товары. Класс, на который сделали ставку в реализации социалистической революции, занят тем, что укрепляет мощь общества спектакля. Такова рекуперация самого пролетариата.

Другими объектами, подверженными рекуперации, были наука и философия, образование, а также СМИ и свобода слова. Созданы и создаются целые дисциплины, научные школы с одной единственной задачей — увеличивать мощь спектакля и придавать ему абсолютный характер. Маркетинг, PR, HR, менеджмент, современная политология и политтехнология — список велик.

Свобода слова и печати в свое время были и оружием, и целью революции, в том числе буржуазной. Однако и здесь спектакль осуществил рекуперацию. Кажущееся разнообразие СМИ есть идеологическая унификация спектакля, где диалог сменяется на монолог. Пропаганда СМИ льется широким мутным потоком. Отдельные люди способны различать информирование от манипуляции сознанием, но они не могут вступить в спор с этим потоком, они не могут объяснить остальным зрителям и слушателям, где ложь, а где правда. Существуют различные формы цензуры: от грубого запрещения выражения свободы слова до современной монополии СМИ. Монологичность СМИ — самая страшная и невидная форма цензуры. Она декларирует свободу мнений, но фактически не допускает иных мнений кроме мнения спектакля.

Примеров и конкретных технологий рекуперации, борьбы против социального развития огромное множество. Они являются очень гибкими и способными подстраиваться под текущий момент.

Примером превращения зачатков революционного движения в спектакль являются сами парижские события 1968 года. Приведу в качестве иллюстрации рекуперации рассуждения одного из героев романа Р. Мерля «За стеклом»: «Ну и люди, скажу я тебе, поставит на одну доску рабочее движение в странах Восточной Европы и в капиталистических странах! Ненависть к советскому коммунизму у них на первом плане, перед ней отступает даже ненависть к капитализму! Нет,

## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

это неподражаемо, на что же будут опираться эти олухи в своем изучении «движения»? Ну разумеется, на репортажи западных журналистов, на сфабрикованные «свидетельства», *made in USA*, вроде: «Я был рабочим в СССР» или «Я выбрал свободу», короче, всё сведется к тому, что они подхватят клеветнические измышления классового врага и обернут их против Советского Союза».

Другим не менее ярким примером является Кон-Бендит — уже реальный герой парижских волнений. Кон-Бендит — бунтарь, которого выслали из страны как радикала. «Вождь» студентов превратился в евробюрократ — он сменил баррикады на Европарламент (депутат от партии зеленых с 1994 года). Этот бывший «анархист» призывает пересмотреть взгляды левых на буржуазный парламент.

В 2005 году в одном из московских клубов Кон-Бендит признается в том, что «именно мы приглашали Масхадова и других чеченских лидеров в Брюссель...», далее он делает такой заход: «Пример сумасшествия, пытавшегося обрести свободу, — это коммунизм». А в 2013 году вышел перевод его интервью в «Новой газете», где он рассуждает о том, как путинская система должна развалиться вслед за СССР, о том, какими революционерами являются Pussy Riot и Горбачев. В общем, как мы видим, лучшего антикапиталиста придумать нельзя. Продался Кон-Бендит или переродился — в сущности, не так важно, главное здесь то, что Общество спектакля способно включать в свою систему любые антисистемные элементы и превращать их в стражей спектакля, догадываются они о том или нет.

Значимым аспектом борьбы против Общества спектакля кажется такая практика ситуационистов, как конструирование ситуации. Ситуационисты дают следующее определение: «Сконструированная ситуация — момент жизни, являющийся итогом сознательного и коллективного провоцирования, обладающий уникальной атмосферой». Еще они называют это организацией

революции «здесь и сейчас», но, говоря проще, сконструированная ситуация — это альтернативное бытие, которое способствует формированию альтернативного сознания. Конструирование ситуаций должно помочь в преодолении различных видов отчуждения. Для начала приведу конкретный пример.

СМИ очень падки на различные скандалы и то, что будоражит воображение, так как именно через яркие картинки можно отвлечь человека от реальных проблем. В 1966 году был большой скандал во Франции, который получил название «Страсбургский скандал».

Студенчество безразлично относилось к вопросам самоуправления, благодаря чему шесть радикалов получили в свое распоряжение ключевые посты, помещение и финансовые ресурсы профсоюза, они обратились за советом к ситуационистам. В итоге был написан памфлет «О нищете студенческой жизни...», который был распространен на торжественном мероприятии университета. Не вдаваясь в подробности содержания самого памфлета, можно отметить, что он был вызывающим и грубым, критикующим всех и вся, дерзким конспектом идей ситуационистов. Скандал получил огромную известность благодаря СМИ, он получил известность за рамками страны, а текст был переведен на множество языков, по некоторым оценкам уже до 1989 г. суммарный тираж памфлета перевалил за полмиллиона. Газета Daily Telegraph написала об этом следующее: «Новая студенческая идеология распространяется по всему миру — концентрат идей раннего Маркса под названием «ситуационизм». Таким образом, СМИ как инструмент спектакля был использован для агитации борьбы против спектакля.

Перефразируя слова К. Маркса из работы «Тезисы о Фейербахе», ситуационисты в «Анкету СИ» напишут: «Философы и художники всегда занимались интерпретацией ситуаций, наша важнейшая задача на сегодняшний день — изменение этих ситуаций». В данном случае

задачей является не пассивность и созерцание, а практика и создание моментов жизни в Обществе спектакля, то есть деятельность, свободная от иллюзий и зрелища.

Считается, что на планете тотально господствует спектакль, который одновременно выражен и как тип бытия, и как мировоззрение. Вспоминаем тезис о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, и ужасаемся бесконечной заикливости Общества спектакля, то есть концу истории. Но ситуационисты говорят, что необходимо сконструировать ситуацию, свободную от спектакля, от отчуждения, от эксплуатации, от образов и зрелища. Каждая такая ситуация есть революция «здесь и сейчас». Для победы и свержения сложившегося состояния общества необходимо множить такие ситуации, увеличивать их качественно и количественно.

Все это очень похоже с тем, что говорил С. Кургуинян в лекциях «Суть времени» об альтернативном бытии (кружках и катакомбах) как инструменте преодоления заикливания в социальных рамках. Коммуна в Александровском — еще один прекрасный пример конструирования ситуации, иначе — территория жизни, а не смерти (труда, а не капитала), территория, свободная от регресса. Одно дело встреча ячейки несколько раз в неделю по несколько часов, другое — Александровское.

Подведем итог. Несмотря на многие верные выводы, правильную критическую оценку Общества спектакля, ситуационизм может увести в неконструктивное русло. Дебор критикует спектакль, однако сам не работает, а живет и пьянствует на деньги подруги и благотворительную помощь друга-режиссера. Но дело даже не в том, что он ни дня не работал, а в том, что подруга работала в рекламной сфере. Вот и выходит, что главный критик спектакля жил и пил на деньги, заработанные благодаря спектаклю. Дебора, без сомнений, стоит изучать, но только подходить к нему нужно аккуратно: это то болото, где черти точно водятся.

Судьба самого Дебора сложилась весьма трагически — он застрелился. Одна из версий причин самоубийства Дебора гласит, что оно было спровоцировано запланированной телевизионной передачей о Деборе, его идеях и ситуационизме. Возможно, Дебор посчитал, что спектакль смог рекуперировать его самого, то есть что из критики спектакля сделают спектакль критики. Выход из экзистенциального кризиса он нашел в уходе из жизни. Здесь надо отдать должное ему за честность, неподдельную ненависть к спектаклю и огромное желание преодоления отчуждения, в отличие, например, от Кон-Бендита и когорты перерожденцев.

Если тезис о том, что Общество спектакля есть действительность, данная нам в ощущениях, а значит, является фактом нынешней реальности, верен, то антагонизм рекуперации и конструирования ситуации будут диалектично изменять друг друга, не изменяя сущности спектакля.

Каждая сконструированная ситуация — это попытка организации революции, преодоления отчуждения. В этом плане интересную мысль высказал Ральф Ванейгем: «Сегодня революция предстала перед лицом исторического суда: ей предъявлено обвинение в провале, в том, что революционный процесс всего лишь зародил смуту, так ни в чем и не реализовавшись», но тут же он добавляет: «Суть вопроса состоит в том, что революцию необходимо переизобрести». Ведь все проваленные революции только усилили ОС и идти тем же путем нельзя.

Так что попробуем пойти другим путем и переизобрести революцию!

Андрей Чехлов

## О роли номенклатуры в становлении и крушении Советского Союза

*И, как охочая к труду мастеровщина,  
Налягут все на теплый бок,  
Когтями мясо рвут, хрустит в зубах щетина, —  
Отдельный нужен всем кусок.  
То право конуры, закон собачьей чести:  
Тащи домой наверняка,  
Где ждет ревнивая, с оттянутой шерстью,  
Гордячка — сука муженька,  
Чтоб он ей показал, как должно семьянину,  
Дымящуюся кость в зубах  
И крикнул: это власть! — бросая мертвечину, —  
Вот наша часть в великих днях.*

Неоспорима роль бюрократии в славной и трагической судьбе СССР. По прослойке крупных советских чиновников и по отношению к ней различных потенциальных ее союзников «слева», можно в деталях изучать всю историю Советского Союза от революционного периода к сталинизму и позднему брежневизму.

Но, прежде чем перейти к непосредственному обсуждению этой противоречивой роли, следует определиться с терминами, используемыми для описания этого явления и этой социальной группы.

Так, у термина «бюрократия» имеется три общепринятых значения.

Во-первых, под ним понимают «власть бюрократов», то есть такую систему государственного управления, в которой реальная власть принадлежит чиновничеству.

Во-вторых, термин применяется и для указания на саму эту чиновничью прослойку, и под словом «бюрократия» понимается определенная сложившаяся каста управленцев.

В-третьих, он применяется для описания излишнего усложнения различных канцелярских процедур.

В тексте статьи я буду использовать термин «бюрократия» преимущественно в первом значении. Для описания же сплоченной группы власть имущих я постараюсь обойтись синонимами, такими как «бюрократы» или «номенклатура». Процесс усложнения государственного управления и возрастания количества бюрократических проволочек, вообще, не входит в заданную мною тему, поэтому для простоты описания данного процесса я буду пользоваться словом «бюрократизация».

Определившись со значением используемых в данном тексте терминов, возьмемся за рассмотрение истории проблемы.

Вообще, вопрос об угрозе для советской демократии со стороны стремительно обретающей силу номенклатуры понимался лидерами революционного движения с первых дней победы Октябрьской социалистической революции. Путаницы добавляло непонимание многими рядовыми членами партии вопроса о соотношении между рабочим классом и партией как его авангардом. Не до конца был теоретически проработан и вопрос о постепенном отмирании государства. Всё это породило конфликты большевиков с изначально близкими к ним левыми анархистами и позволило последним открыто обвинять коммунистов

в «огосударствлении» общества в пользу номенклатуры, в противовес декларируемому «обобществлению» государства в пользу народа.

Однако гораздо более насущные вопросы постоянно сдвигали теоретическое осмысление этой проблемы на неопределенный срок. Ведущие теоретики и практики партии решали вопросы борьбы с интервенцией и контрреволюцией, активно участвовали в гражданской войне и с нуля создавали Красную армию. В условиях, когда весь мир угрожал оружием Советской республике, никто не имел практической возможности разбираться с теоретическими угрозами далекого будущего. К тому же необходимость в наведении порядка любой ценой только подкрепляла бюрократизацию, делая невозможной практическую борьбу с ней.

Так, Ленин лишь на XI съезде партии в марте 1922 года высказывает опасения о грядущем вырождении советской номенклатуры: «Бывает, что один народ завоевывает другой народ, это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто.

Окончание — на стр. 11

## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Окончание — со стр. 11

Если народ, который завоевал, культуру своего народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице Р.С.Ф.С.Р., и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и всё самые лучшие) не оказались ли подчиненными чужой культуре?».

Учитывая тот факт, что одиннадцатый съезд был фактически последним съездом партии с участием Ленина, можно считать эти слова указанием Владимира Ильича на угрозу будущим поколениям коммунистов.

Различное отношение к бюрократии и к усилению роли номенклатуры в управлении государством стало одной из ключевых точек диаметрального расхождения позиций Сталина и Троцкого.

Сталин в своей речи «Троцкизм или ленинизм?» в ноябре 1924 дает определение «троцкизму»: «Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности, к ее враждебности к оппортунистическим элементам. ... Троцкизм есть недоверие к лидерам большевизма, попытка к их дискредитированию, к их развенчиванию. Я не знаю ни одного течения в партии, которое могло бы сравниться с троцкизмом в деле дискредитирования лидеров ленинизма или центральных учреждений партии».

В свою очередь Троцкий в статье «Сталинизм и большевизм» и в работе «Преданная революция» фактически обвиняет бюрократию в предательстве дела Революции, партию — в вырождении, а номенклатуру — в совершении термидорианского переворота.

В отношении руководства Советского государства он пишет: «Члены нынешнего Политбюро занимали в истории большевистской партии второстепенные места. Если б кто-либо предсказал в первые годы революции их будущее восхождение, они удивились бы этому первыми, и в их удивлении не было бы ложной скромности». В отношении лично Сталина Троцкий не менее беспощаден: «Второстепенная фигура перед лицом масс и собитий революции, Сталин обнаружил себя, как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде».

Позже неприятие советской бюрократии столкнулось с молодым государством нарождающуюся советскую интеллигенцию. Поздний Маяковский в своих пьесах «Клоп» и «Баня» высмеивает многочисленных Победоносиковых, основавшихся на всех этажах партийной карьерной лестницы, а задолго до этого, еще в 1921 году, пишет «О дряни», «свившей уютные кабинеты и спаленки». Этот же процесс столкновения и расхождения можно проследить и по творчеству Булгакова (чего стоит его описание чиновников из МАС-СОЛИТА в «Мастере и Маргарите») и его письму к Сталину, по метаниям Мандельштама (то пишущего о «Мужикоборце», то раздражавшегося одой к вождю), по записным книжкам Бабеля (между прочим, попавшего под горячую руку при борьбе с троцкизмом), по работам Пастернака и многих других.

В дальнейшем именно бюрократизация оттолкнула от Советского Союза целую плеяду новых левых в эпоху возрождения левого движения в Европе уже после Второй мировой войны.

Лидер Ситуационистского интернационала Ги Дебор в «Обществе спектакля», написанном в 1967 году, заявляет: «После подавления Кронштадтского мятежа бюрократия, по сути, стала единоличным собственником при государственном капитализме. Она сумела упрочить свою власть изнутри благодаря временному союзу с крестьянством (НЭП), и снаружи — путем внедрения рабочих



в бюрократические партии III Интернационала, в качестве поддержки для русской дипломатии. Их задача была — саботировать остальное революционное движение и, тем самым, помочь буржуазным правительствам, на чью помощь русская бюрократия рассчитывала в международной политике. Тому примеры: режим Гоминьдана в Китае 1925–1927 гг., Народный фронт в Испании и Франции и т.д. Затем бюрократическое общество продолжило усиление собственной власти, учинив террор по отношению к крестьянству, ради того, чтобы осуществить самое жестокое в истории первоначальное накопление капитала. Индустриализация при Сталине сорвала последнюю маску с бюрократии: теперь очевидно, что она сохраняет всевластие экономики и спасает саму суть рыночного общества: труд как товар». Такого же отношения к Советскому Союзу будут придерживаться многие «новые левые» теоретики.

Позднее, в 1976 году, Эрих Фромм изложил собственную точку зрения на бюрократию в СССР, сходную с мнениями остальных представителей Франкфуртской школы: «Каждая заявляющая о своей принадлежности к марксизму социалистическая или коммунистическая партия должна отдавать себе полный отчет в том, что советский режим ни в какой мере не является социалистической системой, что социализм несовместим с бюрократической, ориентированной на потребление социальной системой, что он несовместим с тем материализмом и рационализмом, которые свойственны как советской, так и капиталистической системе».

Уже на закате Советского Союза номенклатура, представления о которой будут намеренно демонизированы, станет первоочередной целью для атаки со стороны самых различных сил, совершенно по-разному настроенных по отношению к СССР и к коммунистическому движению. Объективно назревшее недовольство бюрократией, окормляемое многочисленными антисоветчиками, переродится в ненависть к социализму, а советская интеллигенция набросится на черные волги партийных чиновников как на самую яркую фактическую демонстрацию неравенства, а «борьба с привилегиями» станет одной из движущих сил перестройки.

Описанные выше примеры, конечно, далеко не полны и заслуживают более подробного и многогранного исследования. Я же использовал их для описания многократно предлагавшихся социализму альтернатив нарастающей бюрократизации, а также в качестве демонстрации того, насколько данный вопрос был актуален на протяжении всей истории СССР.

Обсудив же актуальность вопроса и упомянув различные точки зрения по отношению к нему, перейдем непосредственно к рассмотрению его сути.

Как мы знаем, социализм является лишь незрелой стадией коммунизма, сохраняющей в себе пережитки предыдущей капиталистической формации. Иллюзия (если она и была), что капитализм можно в кратчайшие сроки отменить исключительно волюнтаристским решением, исчезла полностью даже у самых отчаянных утопистов уже к периоду НЭПа. А потому обвинять социалистическое государство в том, что оно не смогло за кратчайший, с точки зрения истории, период полностью изжить формацию, бурно развивавшуюся на протяжении последних пяти столетий, — наивность, безусловно, достойная бунтующих студюзосов, но никак не красящая серьезных левых теоретиков. Социализм, неважно, будь то социализм советский, китайский или любой другой, непременно будет содержать в себе некоторые элементы капиталистических отношений до того момента, пока не перейдет в фазу полного коммунизма во всемирном масштабе. Вопрос заключается лишь в том, насколько его внутренние прогрессивные моменты самоосвобождения и раскрепощения соотносятся с его внутренними реакционными моментами эксплуатации и жажды первоначального накопления.

Кроме того, как мы знаем, любая общественно-экономическая формация определяется в первую очередь экономическими производственными отношениями, а значит, отношениями классовой борьбы. Однако в Советском Союзе противоречия между трудом и капиталом были сняты вместе с уничтожением буржуазии как класса, а средства производства обобществлены в руках государства.

Так кому же должен был противостоять пролетариат, на практике добившийся

своей диктатуры, и отчего же, в итоге, он так легко сдал собственные завоевания?

В любой классовой борьбе двух антагонистов непременно побеждает кто-то третий: феодалы вышли победителями в борьбе рабов и аристократии, а борьба крестьян за свое освобождение от гнета феодалов закончилась победой «третьего сословия» — буржуа. Вот и в битве труда и капитала достаточно быстро определился главный ее бенефициар — бюрократия. Она не является классом в полном смысле этого слова, поскольку не обладает полными правами владения на средства производства, не имеет акций и облигаций и неспособна передавать свои привилегии по наследству. Сами ее привилегии при этом являются скорее злоупотреблением, пусть и весьма общепринятыми к концу существования Советского Союза. Кроме того, она постоянно вынуждена пополняться из рядов рабочего класса, что долгое время маскировало ее обособленность. Но даже на заре советской республики уже появляются термины «совбур», «комчванство» и поговорки в стиле «вышел из рабочего класса и твердо решил никогда туда не возвращаться», свидетельствующие о симптомах болезни на самой ранней стадии развития.

Бюрократия в социалистическом государстве была вынуждена скрывать себя как социальное явление и носила характер социального паразитизма, что делало ее положение, по верному выражению Троцкого, «в высшей степени противоречивым, двусмысленным и недстойным, несмотря на полноту власти и дымовую завесу лести». Однако и отказаться от привилегии в виде распоряжения и управления собственностью и огромной долей доходов государства она не могла, что порождало новый, невиданный доселе социальный антагонизм, уже не между трудом и капиталом, но между трудом и управлением. Легко предположить, что главным желанием этого социального образования было обеспечить себе пожизненные и наследуемые права на обладание активами и управление ими. Но для этого бюрократия просто обязана была оформить себя в качестве полноценного класса, а значит, сформировать внутри себя полноценное классовое сознание.

В этом смысле, бюрократия не является классом, но неизбежно стремится образовать класс внутри себя. И те «лучшие люди», упоминавшиеся Лениным на XI съезде, увы, оказались неспособны противостоять «путывающим революцию обывательщины нитям». Огромные массы, уставшие от внутренних лишений, утомившиеся ждать мировой революции, пали духом, в то время как бюрократия расцветала на останках советской демократии пышным цветом.

Этот текст начинался финальными строками «Собачьей склоки» Огюста Барбье в переводе О. Мандельштама. Закончить же его я хочу строками того же самопроизведения, но только из его начала.

Когда тяжелый зной гранил большие плиты  
На гулких набережных здесь,  
Набатом вспаханный и пулями изрытый,  
Изрешечен был воздух весь;  
<...>

...Там не маячила, как в нашем современном,  
Мундиров золотых орда, —  
То было в рубище мужских сердец биенье,  
И пальцы грязные тогда  
Держали карабин тяжелый и граненый,  
А руганью набитый рот  
Сквозь зубы черные кричал, жуя патроны:  
— Уфрем, сограждане! Внефед!

Виктор Зотин

Всё больше набирают обороты протестные движения. И становится заметным всё то же противостояние красных и коричневых, пусть и отлитое в немного иную форму, нежели во времена хунты

# Поле битвы — родина демократии

**В** Греции много протестных движений, что характерно для страны, в которой люди готовы выйти на улицу при любом тревожном внутриполитическом сигнале. Греки чрезвычайно гордятся тем, что именно их страна дала миру демократическую форму правления, и считают своим долгом занимать активную гражданскую позицию. Они не склонны ограничивать свой протест антиправительственными комментариями в интернете. Нет, греки сразу встают под знамена. Знамена в Греции разные, и протестующие есть во всех возрастных, социальных и профессиональных группах.

Другая особенность греческих протестов — это историческое противостояние красных и коричневых.

Истоки противостояния уходят в середину прошлого века. С освобождением Греции от немцев в стране началась гражданская война (1945–1949) между коммунистическими силами и национальной армией, которая пользовалась прямой поддержкой британцев и американцев. Противостояние достигло пика во времена «Хунты» или «Семилетия» (1967–1973) — военной диктатуры правого толка, в отечественной литературе более известной как диктатура «Черных полковников».

Вдохновителем хунты стал полковник Йоргос Пападопулос. И пусть никого не обманывает то, что этот человек сражался на фронтах Второй мировой: сотрудничество с нацистами он начал еще в 1943 году, когда были созданы Батальоны безопасности, поддерживавшие оккупационные силы и вместе с силами СС подавлявшие Сопротивление. Против этих батальонов выступали многочисленные левые силы: Коммунистическая партия Греции, просоветские Фронт национального освобождения и Греческая национально-освободительная армия и др. Годом позже Пападопулос с помощью британской разведки бежал на Ближний Восток, где был удостоен звания лейтенанта. Там он, по всей вероятности, вступил в антидемократическую и антикоммунистическую организацию «Союз молодых офицеров». В 1945 году, одновременно с его возвращением в Грецию, это движение слилось с ему подобными в «Священный союз греческих офицеров» — подпольную, роялистскую, яростно антикоммунистическую организацию, которой позже был спланирован государственный переворот, одним из участников которого стал Пападопулос. В 50-х годах он прошел переподготовку в США.

Переворот, приведший к власти хунту, случился в ночь на 21 апреля 1967 года. Посол США в Греции Филипс Тэлбот осудил переворот, назвав его «изнасилованием демократии», но с ним не согласился глава миссии ЦРУ в Афинах Джек Мори, ответив: «Как можно изнасиловать шлюху?» Позиция демонстративно-демократического и правозащитного Запада в этом случае была связана с «доктриной Трумэна», оформленной в США в 1947 году, согласно которой Вашингтон начал оказывать поддержку авторитарным режимам в Греции, Турции и Иране, дабы предотвратить расширение советского влияния на эти страны. В Греции до сих пор сильны антиамериканские настроения, и есть мнение, что породила их именно поддержка хунты американским правительством. И тот факт, что в нынешней Греции высшие политические чины имеют теснейшие связи с США (кто-то там учился, кто-то — родился), не добавляет популярности ни Штатам, ни этим политикам.

Как и хунта, совершившая переворот на Украине, режим полковников называл свои действия не переворотом, а революцией, которая спасла нацию. Как объясняли бунтовщики, в стране существовал коммунистический заговор, охвативший чиновников, сферу образования, СМИ и даже вооруженные силы, поэтому лишь крайние меры могли спасти страну от коммунистического переворота. Самые главные черты хунты — это радикальный антикоммунизм вкупе с отсутствием конкретной программы, крайним национализмом и легитимностью, равной абсолютному нулю (мы всё еще говорим о Греции, а не о нашем ближайшем соседе).

Уже возглавляя режим полковников, к лету 1973-го, видя неуклонный рост народных протестов, Пападопулос предпринял серию неудачных попыток легитимизировать хунту. Для этого он ввел политику постепенной демократизации. Проявленная им непоследовательность ослабила его влияние среди военных, и в ноябре того же года он был обвинен Димитриосом Иоаннидисом в «отходе от идеалов революции» и им же свергнут. Впрочем, Иоаннидис продержался недолго, режим полковников пал, семилетие хунты завершилось, а еще через 7 лет Греция вступила в Европейский Союз. И тут бы конец сказке, в которой все стали жить-поживать да добра наживать, но не тут-то было.

Для греков «европейская мечта» обернулась кошмаром.

После чуть не случившегося дефолта Греция пытается предоставить Евросоюзу экономические гарантии, которых для Евросоюза слишком мало, а для рядовых греков — слишком много. Самая богатая страна ЕС — Германия — согласна поддерживать Грецию финансово только в ответ на меры жесткой экономической политики. Греческие граждане немецкое понимание жестоких мер трактуют с привычной им прямолинейностью, публично называя Ангелу Меркель нацисткой: на митингах попадаются ее портреты со свастикой, в газетах мелькают такого же содержания коллажи, а в витрине одной афинской пекарни появился плакат с Меркель в нацистской форме, о чем немедленно рассказала своим читателям немецкая газета BILD, возмущаясь: «И это — благодарность за то, что мы спасли их от дефолта!»

Свинство со стороны «спасенных», что тут скажешь! Просто-таки черная неблагодарность! И всего лишь потому, что в соответствии с требованиями, которые приняла Греция, до конца 2014 года должны быть уволены 15000 госслужащих, плюс еще 25000 будут переведены в рабочий резерв с реальной угрозой потери работы. А еще, в результате ранее заключенных соглашений с Евросоюзом, социальные выплаты (в т.ч. пенсии, пособия инвалидам, детские пособия) сильно урезаны, некоторые и вовсе отменены. Платежи за одно лишь электричество достигают половины средней зарплаты, число рабочих мест на госслужбе (которые всегда были привлекательны для греков) всё больше сокращается. Страна нищает, а ее народ находится в глубочайшем отчаянии, вспоминая времена, когда в Греции еще была в ходу драхма, и греки жили вполне себе благополучно безо всякой тяжелой промышленности. Во всяком случае, до перехода на евро в 2001 году желающий работать — работал, желающий зарабатывать — зарабатывал, семьи не отказывали себе в рождении детей потому, что их нечем будет кормить, а эмигранты не помышляли возвращаться

в покинутые страны (сейчас, например, для желающих вернуться в Россию действуют специальные программы).

При таких вводных всё больше набирают обороты протестные движения. И, если рассматривать их системно, то становится заметным всё то же противостояние красных и коричневых, пусть и отлитое в немного иную форму, нежели во времена хунты. Протестующих много, некоторые из них, впрочем, заслуживают особого внимания.

«Возмущенные» представляли собой очень накаленное движение. Его сторонники призывали бороться на улицах, а не в компьютерах. Боролись они в 2011 году, с мая по ноябрь. Причем пример брали с испанской организации Demostgacia Real YA!, которая, в свою очередь, в качестве эталона истинной демократии видела «арабскую весну». И, казалось бы, хорошо для Греции, что движение не удержалось (не хватало этой многострадальной стране только цветной революции, которая, того и гляди, довела бы до новой хунты), — если бы не причина, по которой оно не удержалось. Дело в том, что протест «Возмущенных» был перехвачен другим, еще более жестким, протестом «Золотой зари», нацистской партии, которая входит в действующий греческий парламент (хотя ее лидеры и отбывают срок за создание преступной организации).

«Золотая зоря» поддерживает идею биологического превосходства греческой нации (и вообще белой расы). Широкую известность в стране организация получила благодаря расистским акциям, направленным против живущих в Греции эмигрантов, — целью акций было поддержать греков, оказавшихся в трудном финансовом положении по причине текущего кризиса, тем самым заработав себе политические дивиденды среди вынужденных бороться за существование соотечественников. Одновременно «Золотая зоря» — выраженные антиглобалисты, антисемиты, антикоммунисты и антимарксисты, ибо в марксизме они видят свою главную противоположность (на заметку тем, кто настойчиво и твердолюбо пытается уравнять коммунизм и фашизм).

Еще недавно нацисты в Греции себя не афишировали, но со временем подняли голову. На парламентских выборах 1996, 2000 и 2009 гг. «Золотая зоря» не набирала и 0,3%. Но на выборах в мае 2012 г. партия получила почти 7% (!) голосов, что означает более 440 тыс. избирателей, и 21-е место в парламенте. Как это могло произойти в стране, пострадавшей от фашизма, не понимают и сами греки, не входящие в те 7%. Достаточно вспомнить, что население Греции к 1940 г составляло около 7,3 миллиона человек, а ее общие потери во Второй мировой составили порядка 415 тысяч человек. Историческая память у греков хорошая, потому что своей историей они гордятся. Так почему число голосовавших за фашистов в 2012 г. превысило число погибших от фашизма во время войны?

Но есть то, что внушает надежду. Есть в Греции гораздо более многочисленные, чем «Золотая зоря», и, что не менее (а то и более) важно, идейно заряженные и по-настоящему народные левые движения. Не будем сейчас рассматривать Коммунистическую партию Греции (которая, замечу, пользуется в стране немалым почтением), оппортунистическую, хотя и называющую себя левой, «Коалицию Радикальных Левых» (СИРИЗА).

Итак, в числе народных движений упомянем «Всербочий боевой фронт» (аббревиатура названия — ПАМЕ — обыгрывает призыв к действию, буквально «Идем», «Вперед») — профсоюзная организация, выступающая против капитализма, империализма, политики Европейского Союза и нынешнего греческого правительства. В ПАМЕ участвуют самые активные профсоюзы в Греции, а таковыми считаются не просто те, что требуют больше денег, но те, которые борются за прекращение эксплуатации человека человеком. ПАМЕ объединяет активистов с различными идеологиями и политическими путями. Внутри ПАМЕ эти организации действуют на основании договора, предполагающего совместную борьбу против власти капитала и Евросоюза. ПАМЕ призывает своих членов противостоять империализму и его войнам, в каком бы виде те не велись, борется за единство рабочего класса, стремится собрать и мобилизовать как можно больше рабочих на классовую борьбу, деятельно выступает против антинародной политики властей. ПАМЕ стремится к скоординированной борьбе греков и эмигрантов (за что ее люто ненавидит «Золотая зоря»).

Заметим, что ПАМЕ активно участвует в усилиях по восстановлению классового движения в Европе. Наконец, за последние годы этой организацией были проведены десятки национальных забастовок. Недавняя демонстрация прошла 30 марта этого года в Афинах, в Салониках и других городах страны, и стала выражением протеста против нового антинародного законопроекта правительства, который был обсужден и принят в срочном порядке в тот же день на пленарном заседании парламента.

Совместно и наравне с ПАМЕ протестную деятельность ведут силы ПАСЕВЕ («Всергеческого антимонополистического сплочения ремесленников и торговцев»), ПАСИ («Всекрестьянского боевого сплочения»), МАС («Фронта борьбы студентов»), ОГЕ («Федерации женщин Греции»).

Вполне вероятно, что левые движения популярны в Греции, помимо прочего, еще и в силу того, что они объясняют механизм возникновения кризиса, который переживает страна: кризис присущ капиталистической системе, а причина его — перепроизводство и перенакопление капитала, которые основаны на основном противоречии между трудом и капиталом, между общественным характером производства и частным присвоением в условиях капитализма. И кризис, по Марксу, это момент нарушения и прерывания процесса воспроизводства. За осознание этой причины происходящего ведут идеологическую работу левые движения. Их усилия ребром ставят вопрос о том, возможен ли выход из кризиса на благо народа в рамках капиталистической системы.

Но ведь этим борьба не ограничивается. Потому что когда мы смотрим на современность с исторической перспективы, мы видим всё то же противостояние левых и ультраправых, красных и коричневых, и надрывное отчаяние, охватывающее народ, и надежду на человека или силу, которая придет и расставит всё по своим местам. В истории — будь то греческой или мировой — жива память об исходах таких надежд и о методах таких сил, и действительность всё больше освежает воспоминания. А русская история не даст забыть, что всегда есть альтернатива.

Дарья Алексеева

Конечно, на каждой киностудии не сидит специально натренированный человек — представитель правящего класса — и не вымарывает из картин всё хорошее про рабочих, встраивая подлые скрытые послания. Всё куда хуже!

# Вечный бой

*Где нет хозяина, там все бывают хозяевами;  
где все господа, там все бывают рабами.*

Жан-Жак Руссо

**128** лет прошло со дня печально известных событий на Чикагской площади Хеймаркет. Событий, ставших по воле II Интернационала символом солидарности трудящихся всего мира. 128 лет прошло, и мир не мог не измениться. Мир менялся и вместе с ним менялись представления людей о том, что же такое эта самая «солидарность трудящихся». Мир изменился, но борьба эксплуататоров и эксплуатируемых продолжается.

128 лет назад рабочие Америки проиграли битву, но позднее они выиграли войну (как им показалось). Американские профсоюзы уже с конца XIX века завоевывали всё большее и большее влияние, всё чаще им удавалось отстаивать экономические интересы рабочих. К шестидесятым годам XX века профсоюзы стали настолько мощной силой, что диктовали свои условия уже не отдельным промышленникам, а целым отраслям промышленности. Могло показаться, что популярность профсоюзных лидеров сопоставима с популярностью политиков федерального уровня. Звучит прекрасно... но что-то всё же не сходится, не правда ли? Ведь не думаем же мы, что в США люди смогли избавиться от эксплуатации? Что интересы трудящихся там защищены, как нигде? Что рабочий класс там победил, и не сегодня так завтра стоит ждать наступление коммунизма на американской земле? Как же так? Вот — процветающие профсоюзы, а вот — нищета и зверская эксплуатация, которые живут на соседних улицах. Как же так вышло?

На этот вопрос возможно множество ответов. Есть и экономические, и политические, и метафизические, но мне хотелось бы сосредоточиться на культурно-психологическом. И показать, как воспринимается рабочее протестное движение сквозь призму американской культуры, какой видится «рядовому американцу» борьба за его права.

Исследования чужого восприятия явлений всегда немного спекулятивны. Действительно, как говорится, «чужая душа — потемки», а уж душа антиподов-американцев нам вдвойне чужая (а значит, если следовать логике, немного своя). Но всё же есть возможность что-то разглядеть и понять в этих потемках — если исследовать устойчивые национальные стереотипы, которые активно и во многом искусственно культивируются.

Одним из видов такого исследования может быть анализ произведений искусства. Валидность (соответствие исследуемого исследуемому) этого метода

обеспечивается в таком случае тем, что и автор (а тем более коллектив авторов), и предполагаемый потребитель произведения искусства — носители этой самой общекультурной точки зрения. Иначе первому не пришлось бы в голову что-то сказать, а второй бы просто не понял, что ему говорят.

Так, исследуя, например, серию мультфильмов «Ну, погоди!», можно с уверенностью утверждать, что Волк и Заяц воспринимались во времена производства этих мультфильмов (да, наверное, и сейчас) как антагонисты. Хотя в природе волки не являются смертельными врагами именно зайцев, да и волк-одиночка — это редкое природное явление. Что более важно, как антагонисты воспринимались тогда (и уж тем более теперь) те социальные группы, представителями которых на экране выступали легендарные персонажи: хулиганствующий специфически советский подвид люмпен-пролетария, возможно,

некогда служивший во флоте (Волк), и представитель художественной «богемной» интеллигенции и советской эстрады — то ли модель, то ли телеактер (Заяц).

Попытаемся понять, как американской культурой воспринимается борьба за права рабочих? Что в её рамках значит профсоюзное движение? Существует достаточно много произведений американского кино и литературы, так или иначе затрагивающих проблему профсоюзного движения. Как и во многих других случаях в американской культуре, тут можно встретить множество противоречивых мнений: где-то профсоюзные деятели выступают героями без страха и упрека, а где-то — подлецами, морочащими головы простым людям ради наживы или реализации личных извращенных интересов. Но всё же в этом многоголосье существует некий лейтмотив. Очень часто, обнаружив в том или ином произведении профсоюз или профсоюзного лидера, зритель

предугадывает развитие событий: скоро на экране появятся представители организованной преступности, мафии.

И наоборот — произведения, посвященные американской мафии, редко обходятся без упоминания профсоюзного движения. Такая связка обязательна и для притворяющихся семейной хроникой всех трех «Крестных отцов», и для более сложного, подобного притче фильма «Однажды в Америке». Связка «мафия» (в любой форме) — профсоюз почти так же неизбежна, как рифма «морозы — розы».

В чем причина? Как мафия, то есть организованная преступность оказалась в американской культуре намертво ассоциирована с профсоюзным (то есть как бы протестным) движением?

Попробуем разобраться, в чем причина такой неизбежной связки на сравнительно изолированном участке культурного поля — художественном воплощении биографии профсоюзного лидера Джеймса Риддли Хоффа. Для начала приведем краткую версию биографической справки из англоязычной «Википедии»:

*«Хоффа с юности был активистом профсоюза. К 30 годам он стал значимой фигурой в «Международном Братстве Водителей» (профсоюзе, объединяющем водителей «всего, что движется на колесах» с работниками складов и чернорабочими — Д.Т.) К 1952 году Хоффа стал вице-президентом МБВ. Между 1958 и 1971 годами был Генеральным президентом профсоюза. В 1964 году Хоффа добился первого национального (мы бы сказали — федерального — Д.Т.) соглашения о правах водителей. Хоффа сыграл ведущую роль в развитии и росте профсоюза, который стал крупнейшим по количеству членов в США (максимальная численность профсоюза за время его лидерства превысила полтора миллиона человек).*

*Хоффа был связан с организованной преступностью с ранних лет его работы в профсоюзе, и эта связь продолжалась вплоть до его исчезновения в 1975 году. Он был осужден за вмешательство в работу жюри присяжных, попытку подкупа и мошенничество в 1964 г. После нескольких неудачных апелляций он был приговорен к 13 годам заключения и сел в тюрьму в 1967 г. В середине 1971 года он подал в отставку с поста президента профсоюза, что было частью соглашения с Ричардом Никсоном о помиловании, и был досрочно освобожден. Никсон запретил Хоффе заниматься делами профсоюза вплоть до 1980 года (который*

Эмблема профсоюза МБВ



## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

был бы последним годом его заключения, отсиди он полный срок).

Последний раз Хоффу видели в конце июля 1975 года недалеко от загородного ресторана в районе Детройта. Его внезапное исчезновение породило множество гипотез произошедшего».

Даже если опираться только на эти претендующие на «объективность» данные, кажется, что «прогнило что-то в датском королевстве», точнее, в американской республике. Но оставим это до поры. Обратимся к культуре. Кроме множества биографий Хоффы (из них две написаны им самим, а последняя писалась прямо в момент его таинственного исчезновения), кроме двух (!) книг, в которых два разных человека признаются в том, что это они организовали убийство Хоффы, существуют два художественных фильма, вдохновленных его жизнью. Они-то нас и интересуют.

Первый фильм — «Кулак» (F.I.S.T.) — вышел на экраны в 1978 году, всего через три года после исчезновения Хоффы. Это неожиданный и одновременно банальный фильм, биографическая драма о функционере вымышленного профсоюза водителем грузовиков, роль которого исполнил Сильвестр Сталлоне. Показано восхождение профсоюзного лидера: от вербовщика, получающего комиссию за каждого приведенного им нового члена профсоюза, — до президента общенационального многомиллионного профсоюза. Второй фильм (1992 года) — это претендующая на большую достоверность картина Денни Де Вито «Хоффа», главную роль в которой исполнил Джек Николсон.

Может показаться, что нельзя делать выводы о культуре в целом на основании всего двух кинофильмов. Это не до конца верно. Строго говоря, в каждом произведении культуры, «как море — в капле воды», отражается большинство характерных для культуры особенностей, в противном случае культурологические исследования были бы вообще невозможны, так как требовали бы исследования всего бесконечного культурного поля. Но в нашем случае «репрезентативности» дополнительно обеспечивается следующими факторами. Во-первых, личностью прототипа: Хоффа, благодаря своей реальной популярности и скандальному исчезновению, — чуть ли не самый известный профсоюзный функционер в США, и естественно, что он является средоточием мифологии, связанной с профсоюзным движением. Во-вторых, взятые для анализа фильмы — вовсе не «проходные» картины: об этом говорят и собранные ими многомиллионные кассы и звездный состав ведущих актеров. В 1978 году Сталлоне был еще в начале своей звездной карьеры, но уже ныл в знаменитом «Рокки». А Джек Николсон в 1992 году уже был звездой первой величины, а актеров такого калибра известности не используют для стрельбы по воробьям.

Фильмы — разные и в художественном, и в идейном плане. Их разделяет не только 14 лет, но совершенно разный культурный багаж режиссеров, разное понимание природы человека и человеческих отношений и — пожалуй, самое важное в контексте этой статьи — различный политический подтекст. Но для решения нашей задачи, важны не различия, а, наоборот, сходства. И таковых можно выделить несколько.

Во-первых, сюжет обеих картин построен вокруг популярного в западном политическом кино сюжета грехопадения. Мысль, «заложная» в этот сюжет, проста, как мычание, и, как многие мычащие мысли, в корне неверна. Кратко ее можно сформулировать так: «Невозможно, занимаясь политикой, остаться хорошим человеком». Герои обсуждаемых фильмов проходят путь от выступлений в защиту прав и интересов рабочих — через ложь и насилие — к суду и закономерной гибели.



Джеймс Хоффа

Разница между ними лишь в том, что герой Николсона порочен изначально и лишь развивает масштабы своей противоправной деятельности, а герой Сталлоне, не будучи в начале ищадием ада, постепенно, тернистым путем, выможенным благими намерениями, приходит к экранной версии зла. Может быть, общность сюжетов обусловлена биографией прототипа — реальностью, в которой, как казалось авторам фильмов, существовал Хоффа? Но ведь и представления сценаристов о жизни профсоюзных лидеров подвержены как раз тем стереотипным влияниям, которые мы и пытаемся выявить.

Откуда берется, кому и чем служит «простая» идея о том, что всякий профсоюзный лидер, будучи политиком, уже в силу одного этого факта может считаться двурушником и подлецом? От стереотипа заведомой подлости профсоюзных деятелей прямую выгоду получают промышленники — хозяева предприятий, а косвенную — власть всех уровней. Профсоюзы — это система контроля собственников и социальной помощи работникам, и разрушение ее репутации необходимо, чтобы люди знали, что выбора у них нет. Так зачем же рыпаться и вступать в профсоюзы? Хотите защиты — обращайтесь к власти: она, конечно, прогнила насквозь, но зато не скрывает этого — она хотя бы отчасти честна.

Может показаться, что вызревание этих идей в обществе происходило «естественным» путем: люди наблюдали за своими лидерами типа Хоффы, их карьерами, их криминальными связями и делали соответствующие выводы... И это могло бы быть правдой, если бы мы говорили об общественном мнении в деревне Верхнее Гадюкино, в которой живет 15 человек, 3 коровы, 8 кур и «частный предприниматель» Тетя Маша, выстроившая «подпольную империю», основанную на распространении среди земляков продуктов брожения и перегонки их же картошки. В таком месте информационное поле действительно может быть настолько узким, что у людей будет возможность, наблюдая события и людей непосредственно, сделать самостоятельные выводы. Информационное поле государств вроде США — намного более сложно и многомерно. С одной стороны, это значит, что целенаправленное формирование того или иного стереотипа в этом поле — сложнейшая трудоемкая задача. С другой стороны, одно из основных качеств этого поля как раз и заключается в том, что человек в нем практически всегда лишен возможности наблюдать какое-либо явление [вне областей его профессиональной (или иной) компетенции] непосредственно и, следовательно, делать хоть в какой-то степени собственные обоснованные выводы. Проще говоря, подавляющее большинство населения США не имело никакой возможности

разобраться в том, был ли Хоффа связан с мафией и в чем эта связь заключалась.

Еще одной общей чертой обоих фильмов можно назвать приверженность их героев к логике силы: «Кто сильнее — тот и победит, а значит, кто сильнее — тот и прав». Речь идет о силе чисто физического толка, мускульной, можно сказать, а не духовной или, скажем, идейной. Авторы обоих фильмов (возможно, исходя из соображений зрелищности) демонстрируют борьбу рабочих через самые острые ее моменты — потасовки между забастовщиками и силами, представляющими хозяев предприятий: штрейкбрехерами, охраной предприятий, полицией и бандитами. В результате именно необходимость привлечь дополнительную «мускульную» силу и является в обоих фильмах (часто так бывало и в реальности) поводом для привлечения организованной преступности к протестному движению. Действительно, во все времена полиция (да и закон в целом) в подавляющем большинстве случаев оказывалась на стороне хозяев, что вовсе не удивительно. И кажется логичным привлечь кого-то посильнее и похрабрее, раз на стороне противника действует полиция. Наверняка такие контакты между профсоюзами и мафией действительно случались. Как минимум, профсоюзным функционерам иногда нужно было вступать в переговоры с лидерами организованной преступности — с тем, чтобы добиться гарантий их неучастия в столкновениях на стороне промышленников. Вполне может быть, что только такими, деловыми по своей сути, связями и ограничивалась пресловутая связь Хоффы с мафией... Разбираться в этом — дело историков.

Но! Очень важно понять, что, несмотря на возможность таких контактов, сама идея использования физической силы в протестах в корне противоречит

принципам профсоюзного движения. Ведь смысл демонстраций — в том, чтобы силу показать, но не проявлять. Смысл стачки — в том, чтобы заставить хозяев пересмотреть условия работы, используя только экономические и законные рычаги давления — «мягкую силу», как это теперь называют, иначе всё движение лишается всякого смысла, и всё сводится к выяснению того, кто может нанять головорезов покруче. Но ясно, что такой метод борьбы не работает: угрозой личного террора запугать можно только отдельного предпринимателя, но не весь класс буржуазии. А для существенных изменений нужны подвижки именно в классовом сознании.

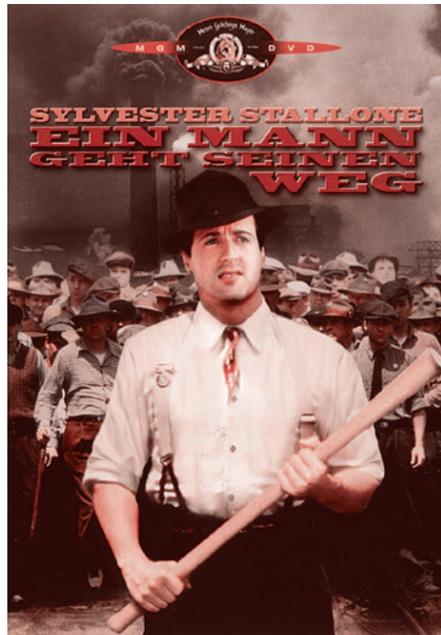
Я не хочу сказать, что насилия в борьбе рабочих не было, я хочу сказать, что не оно было определяющим в тех результатах, которых они добивались. Вообще, история XX века наглядно показала, что, если речь не идет о кардинальной смене государственного строя (а иногда и в этом случае), ненасильственные методы могут быть крайне неэффективны, даже если против них применяют открытое насилие. Ганди и Мартин Лютер Кинг погибли от рук убийц, но их дело, дело ненасильственного сопротивления выжило и даже принесло вполне ощутимые плоды. Так почему же американское кино раз за разом демонстрирует нам насилие в протестном движении? Почему у зрителя формируется отношение к забастовщикам как к преступникам?

Потому что (и, в общем-то, это почти тривиально) кино в капиталистических странах выражает интересы и образ мысли не рабочих (забастовщиков), а капиталистов (хозяев). А для хозяев требования повышения заработной платы или покрытия медицинских расходов, связанных с лечением травм, полученных на производстве, уже сами по себе являются насилием. Насколько бы «мягкой» ни была сила протестующих, капиталистами она воспринимается как реальное насилие, как что-то, в корне незаконное и неестественное. И именно это — восприятие ситуации хозяевами — и выражает (а значит, и формирует) массовое западное кино через образы вполне реального насилия.

Что бы ни пытался снять режиссер, как бы сильно он ни симпатизировал рабочему классу, но работает-то он на хозяина киностудии. Как наемный работник он крайне несвободен в своих взглядах. Жажда наживы и профессиональное чутье на популярность темы толкает киностудии снимать фильмы про профсоюзных боссов. Героям этих фильмов можно даже симпатизировать, потому что работает над ними (фильмами) команда профессионалов очень высокого класса, а управление эмоциями зрителя (в том числе симпатиями) — это именно то, в чем заключается их работа. Но отринуть от себя свою суть человек не может, как бы профессионален он ни был, и эта суть запечатана в результатах труда, как насекомое в янтаре, в форме обсуждающихся в этой статье скрытых посланий.

Конечно, я не думаю, что на каждой киностудии сидит специально натренированный человек — представитель правящего класса — и вымарывает из картин всё хорошее про рабочих, встраивая подлые скрытые послания. Всё куда хуже! Потому что такой «представитель» сидит внутри каждого человека, живущего при капитализме: внутри актеров, режиссеров и сценаристов, внутри вас и внутри меня — эдакий внутренний либерал. Человек, хочет он этого или нет, определяется той культурой, в которой он живет. И даже если он борется с этой культурой, он всё еще ею определен в той же мере, как и человек, отдающийся ей полностью. Так воинствующий атеист определен идеей бога настолько сильно, насколько активно он воинствует.

Окончание — на стр. 16



## ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Окончание — со стр. 15

В этом смысле он отличается от правомерно соблюдающего все догматы верующего только направленностью — знаком, а не «по модулю».

Обратимся еще раз к навязываемой фильмами про Хоффу (и не только ими) идее об обязательном участии криминала в борьбе рабочих за свои права. Кроме всего прочего, эта идея создает впечатление о несамостоятельности и беспомощности рабочего класса. И внушает обществу успокоительную для буржуазии и обезоруживающую ее противников мысль, что у рабочих самих по себе никогда не хватит сил бороться и победить — ведь на стороне буржуазии вся полнота власти и несокрушимая мощь государства. Вовсе не случайно и, конечно, совсем не ради вселенской справедливости или торжества закона как такового государственный аппарат в лице сенатора/министра Кеннеди и в реальности, и в кино преследует Хоффу.

Думается, что популярные в определенных кругах фантазии об иностранном следе в истории Октябрьской революции имеют примерно ту же природу: если не было сильной поддержки иностранных разведок, то... что это было? Народ? Историческая закономерность? Тогда надо признать, что уютный мирок торгово-развлекательных центров, дорогих машин, шикарнейших ресторанов, особняков на берегу и отдыха на заграничных пляжах, обеспеченный за счет эксплуатации других людей, может рухнуть в одночасье. А тогда ведь могут и к ответу призвать, за всё, что было сделано или сказано... Нет, лучше уж считать, что «большевистский переворот» оплатил кайзер, а организовывали его буйнопомешанные недоучки.

Перейдем к последнему в этой статье, но далеко не последнему по важности стереотипу в восприятии американцами протестного движения. В это достаточно сложно поверить, но похоже на то, что профсоюзное движение в США воспринимается носителем американской культуры как некий деидеологизированный процесс. Во всяком случае, во взятых для примера фильмах обхождение с этим вопросом более чем оригинальное.

Так, в начале фильма «Кулак» нам показывают одиночный факт эксплуататорской мерзости: управляющий складом, на котором работает главный герой, заставляет грузчика нести слишком много коробок с овощами и, когда тот не справляется и роняет коробки, управляющий объявляет, что грузчик обязан заплатить за испорченный груз или будет уволен. Разъяренные грузчики во главе с героем Сталлоне идут к директору, и тот обещает им выполнить их требования, включая введение запрета на произвольные увольнения и отмену штрафа за случайную порчу грузов. На следующее утро выясняется, что все, кто участвовал в этом протесте, уволены, а обещания директора ничего не стоят. Эти сцены длятся от силы 10 минут, и это — всё! Больше в этих двух фильмах нет ни одного кадра, предполагающего, что причиной протестов является эксплуатация. Есть упоминания, есть истории, рассказанные на разных стадиях вербовки новых членов в профсоюз, есть, как уже упоминалось выше, множество сцен противостояния, в которых где-то вдалеке, за спинами полиции и штрейкбрехеров, угадываются хозяева. Но эти сцены скорее делают рабочих на своих и чужих, чем раскрывают суть происходящего.

Более того, в фильме «Кулак», вышедшем в 1979 году, то есть в самый разгар холодной войны, вообще нет никакой левой риторики, а слово «большевик» произносится всего один раз и с явно отрицательной коннотацией. Наивный (а не ангажированный марксизмом) зритель вполне может понять происходящую в начале фильма на экране несправедливость как произвол конкретных «злых» хозяев. Особенно если учесть, что позже в фильме показывают «хорошего» хозяина, на предприятии которого и без всякого профсоюза «у водителей есть медицинская страховка и самые высокие зарплаты в Чикаго», — надо понимать, что установлены такие зарплаты по велению совести. Эта сцена очень примечательна особенно в свете классической для американского Юга риторики о добром и злом рабовладельце: рабство, мол, само по себе не плохо — плохо, когда хозяин не воспитан и обращается с рабами не так, как следует.



Солдаты сдерживают толпу во время забастовки текстильщиц известной как «забастовка Хлеба и Роз» в Лоренсе (Массачусетс) в 1912 г.

Дальше — больше. К 1992 году холодная война кончилась, и можно было говорить свободнее, не оглядываясь на «законы военного времени». В «Хоффе», который, по существу, существенно менее «левый» фильм, чем «Кулак», встречается риторика, сильно напоминающая знаменитую строку из «Манифеста коммунистической партии» — насчет того, что «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей». Потом по сюжету на сенатских слушаниях Роберт Кеннеди обвиняет Хоффу в том, что среди функционеров профсоюза есть коммунисты: один член коммунистической партии и еще один, 10 лет назад (!) имевший какую-то связь с коммунистами. Кеннеди даже оговаривается и «случайно» ставит вопрос о том, не коммунист ли сам Хоффа, что последний горячо отрицает, требуя, чтобы его «не ставили на одну доску с ними». То есть фильм честно отражает взгляды значительной части американского общества (как минимум, поколения шестидесятых): коммунист — это не сторонник определенных политических взглядов, а просто враг Америки, готовый советский шпион.

Но вернемся к идеологическому содержанию фильмов. Ясно, что оно

не коммунистическое и даже не марксистское, это — тред-юнионизм. БСЭ сообщает, что тред-юнионизм как идеология реформ «ограничивает задачи рабочего движения рамками профсоюзной борьбы за установление более выгодных условий продажи рабочей силы, улучшение (в рамках буржуазного государства) экономических и правовых условий отдельных групп рабочих, объединенных в профсоюзы». В своей знаменитой работе «Что делать?» Ленин писал, что в этом явлении как в продукте стихийного рабочего движения отразилось «общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т.е. не уничтожающих подчинения труда капиталу». И далее он поясняет, что «тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса».

Необходимо отметить, что реальная борьба рабочих за свои права в США никоим образом не сводима к тред-юнионизму, который, по выражению Энгельса, включает «всякое политическое действие, а следовательно, и участие во всякой общественной деятельности рабочего класса как класса».

Еще в 1884 году с требованием 8-часового рабочего дня в Чикаго выступали не просто рабочие, жаждавшие стать частью рабочей аристократии, но и идейные анархисты. А в 1934–1935 годах отделение того самого «Международного Братства Водителей», расположенное в Миннеаполисе и возглавляемое членами протроцкистской «Коммунистической лиги Америки», последовательными забастовками «вынудило» губернатора штата объявить военное положение. Таких примеров масса. И это не удивительно. Люди, непосредственно вовлеченные в борьбу, понимают (или когда-то понимали), что они делают. А вот киноинтерпретаторы или сами не понимают, или не хотят, чтобы люди могли понять.

Более того, с некоторой долей уверенности можно заключить, что сам Хоффа

и его противники хорошо понимали политический подтекст профсоюзной деятельности на общенациональном уровне. На это указывает и огромная личная популярность Хоффы, и удивительный запрет заниматься профсоюзной деятельностью после освобождения из тюрьмы. Ведь формально он был осужден не за управление профсоюзом, а запретили ему именно это. Этот запрет выдает истинные мотивы осуждения. Хоффа очень сильно не устраивал федеральную власть США именно как лидер профсоюза, и, конечно, не потому, что имел связи с мафией. Скорее всего, причина его политического устранения была в том, что за время его правления профсоюз водителей стал очень сильной централизованной силой, потенциально способной диктовать свои условия власти. Например, общенациональная забастовка транспортников, к которой вполне мог прибегнуть Хоффа, могла вызвать колоссальные политические сдвиги и нанести тем самым ущерб тому, что в США принято называть «национальной безопасностью». Американские власти прекрасно понимали возможные последствия такой забастовки: на следующий год после «отречения» Хоффы они сами, руками ЦРУ организовали и финансировали общенациональную забастовку водителей грузовиков в Чили — с целью свержения социалистического правительства Альенде.

В результате вымывания фундаментальной смысловой основы из ткани обсуждаемых кинофильмов и создается упоминавшейся ранее эффект «продажного политика». Ведь необходимость профсоюзной работы как таковой в фильмах никак не выявлена. Естественно, что герой предстает зрителям только как алчущий власти и склонный к насилию социопат — именно таким Хоффу играет Николсон. И, может быть, вовсе не случайно, что во время просмотра «Хоффы» вспоминается другая работа Николсона — роль сумасшедшего босса мафии Джокера из фильма «Бэтмен» 1989 года. Именно полная деидеологизированность, отсутствие каких-либо политических целей, обесмысливание деятельности профсоюзов в американских фильмах создает возможность формирования у зрителя стойкой ассоциации профсоюзов с мафией: профсоюз — еще одна разновидность рэкета. Если бы профсоюзная деятельность была «школой для политической деятельности», то стойкости и целеустремленности членов профсоюза было бы вполне достаточно для противостояния любому противнику, будь то полиция или мафия. А главное, будь у этих стачек смысл, выходящий за пределы достижения конкретной прибавки к зарплате, мафия не потребовалась бы даже в воображении — идея жертвенности ради целей, выходящих за пределы самого себя, не чужда и американцам.

В финале этого мини-исследования можно заключить, что профсоюзное движение сквозь «светофильтр» американской культуры представляется искаженным до полной неузнаваемости. Профсоюзное движение на Западе — это совсем не то, чем оно кажется обывателю (который любит смотреть кино- и телефильмы). А кажется оно чем-то таким странным, лживым, преступным и бессмысленным, так что лучше к нему и не приближаться.

Дмитрий Третьяков

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 09 июля 2012 года

Учредитель: Кургиня С. Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиня), Садовая-Кудринская д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургиня  
Адрес редакции: Садовая-Кудринская д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001  
Тел. редакции: (495) 691-50-03  
Отпечатано в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати», Ревпроспект, д. 80/42, г. Подольск, Московская обл., 142100

Заказ № 1790  
№ 75 (75) от 30.04.2014  
Время подписания в печать: по графику — 10:00, фактическое — 10:00  
Тираж 8 000  
Цена свободная